

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 79

«Ответственность гуманитарной науки»

Москва ■

2016

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Ответственность гуманитарной науки». Выпуск 79 — М., 2016. — 70 с.

Заседание Никитского клуба «Ответственность гуманитарной науки» А. Привалов, председатель заседания, начал со слов о том, что вопрос об ответственности можно ставить по-разному. В данном случае речь идёт об ответственности внутренней, моральной. Моральная же ответственность существует ровно в той степени, в которой каждый конкретный индивидуум её воспринимает. В этом содержательном смысле отвечает ли экономическая наука за то, что динамика российской экономики так безрадостна? Отвечает ли научная элита в целом за растущий уровень невежества?

Данное заседание, как все заседания в феврале по традиции Никитского клуба, было посвящено дню рождения С. П. Капицы, основателя и президента клуба. Проблеме моральной ответственности Сергей Петрович придавал едва ли не основополагающее значение для состояния общества.

С. П. Капица

...Мне кажется, что наша интеллигенция, получив невероятную свободу и возможность высказываться, не разделяет ответственности, которую должна была бы чувствовать за собой. Это очень серьезный вопрос.

...Кризис идентификации связан с очень странной позицией интеллигенции, которая, получив свободу высказывания, в сущности, ничего не продуцировала. Это поразительно. Многие исследователи говорили о пользе цензуры, что не случайно, поскольку на цензуру возлагалась, грубо говоря, ответственность за формирование мировоззрения и общественного сознания. Носителями такого самосознания были отдельные организованные сословия — офицерство, крупные промышленники, которые в прошлом несомненно оказывали влияние на самосознание нации, её поведение и пр. Сегодня такое ощущение, что всё пущено на самотёк. Мы не имеем даже виртуального представления о своём будущем. Нельзя рассчитывать на самоорганизацию — это займёт много времени, которым мы не располагаем. Телевидение, связь технически хорошо налажены, но то, что с их помощью пропагандируется, совершенно не соответствует уровню технических достижений. Противоречие между словом и делом, с моей точки зрения, является главной проблемой.

... В данном случае [самоидентификация элиты] затрагивается судьба государства — и в экономической сфере, и в сфере идеологии. Это две важные составные части общества. Сейчас, кстати, роль идеологии и вообще общественной сферы возрастает. Страну может прокормить 3–4% рабочей силы; 15% — обеспечить ее любыми материальными потребностями. Всё остальное — система образования, медицина и пр., то есть софтвер, программное обеспечение.

*«Самоидентификация российской элиты»,
Никитский клуб, 27 мая 2005 г. Выпуск НК № 23*

ББК 87

Круглый стол
«Ответственность гуманитарной науки»

В честь дня рождения С.П. Капицы

17 февраля 2016 г.

Участники обсуждения:

Антонова Ирина Александровна, президент Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

Блехер Леонид Иосифович, социолог, публицист

Вишневский Анатолий Григорьевич, директор Института демографии НИУ ВШЭ

Голубев Александр Владимирович, руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья населения РАМН

Капица Мария Сергеевна, доцент психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Макаров Валерий Леонидович, директор ЦЭМИ РАН, академик РАН

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Масленников Никита Иванович, советник Института современного развития

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник мэра г. Москвы

Нечипоренко Юрий Дмитриевич, прозаик, арт-критик, художник, культуролог

Николаев Игорь Алексеевич, директор Института стратегического анализа ФБК

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Румянцева Наталия Михайловна, директор Никитского клуба

Тамбовцев Виталий Леонидович, профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Тренин Дмитрий Витальевич, директор Московского Центра Карнеги

Черниговская Татьяна Владимировна, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией когнитивных исследований СПбГУ, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель главного редактора журнала «Родина», историк, писатель

Круглый стол вел **А.Н. Привалов**

Приложение.

С.В. Егоров, начальник отделения Акустического института им. Н.Н. Андреева.
«Экспертиза между келейностью и краудсорсингом».

А. Н. Привалов

Прошу, господа, приступаем. Наше сегодняшнее заседание посвящено дню рождения основателя и президента клуба Сергея Петровича Капицы. Об этом будет отдельно сказано в конце нашего заседания. Наталия Михайловна [Румянцева, директор Никитского клуба] нам покажет некоторые видеоматериалы. А я пока замечу, что про тему сегодняшнего заседания можно с абсолютной уверенностью сказать, что Сергей Петрович её бы одобрил, потому что он, помимо многого другого, относился ещё и к тем людям, и к тому поколению, для которого слово *ответственность* было одним из ключевых слов. Сегодня оно менее популярно, и отчасти об этом, наверное, пойдёт речь.

О чём пойдёт речь — я, честно говоря, не знаю, мы не договаривались подробно с нашими ведущими докладчиками. Но я расскажу вам, что мы имели в виду, когда предлагали эту тему, и, может быть, укажу какие-то аспекты, которые хотелось бы сегодня в ходе обсуждения затронуть.

Вопрос, на самом деле, можно ставить по-разному. Понятно, что речь идёт об ответственности никоим образом не внешней, а внутренней; не уголовной, а моральной. А моральная ответственность, как известно, существует ровно в той степени, в которой каждый конкретный индивидуум её воспринимает. Я соглашаюсь считать себя ответственным за то-то — значит, я за это ответствен. Не соглашаюсь — что ты мне сделаешь? — по закону я прав. Так вот в этом смысле — во внутреннем смысле, в содержательном смысле — ответственны ли наши с вами отечественные, ну, например, синологи за то не очень весёлое направление, в котором разворачивается наше сотрудничество с Китаем? Ответственны ли наши отечественные арабисты за те, скажем вежливо, неоптимальности, за те ошибки, которые мы делаем в наших в последнее время весьма активных действиях на Ближнем Востоке?

Мы всегда готовы рассказать про массу факторов, которые помешали той или иной отрасли отечественной науки проявить себя в должном блеске и влиянии. Мы и сами это умеем, и можно поручить это сторонним людям — и всё сказанное будет правдой. Мне, например, совершенно случайно сегодня, как нарочно, под это заседание попала где-то в сети выдержка из работы китайского специалиста по русской синологии. Господин Янь Годун выделяет следующие кризисные явления в российском Китаеведении. Их шесть: серьёзный отток кадров; устойчивый спад качества работ; уменьшение количества выпускаемой научной продукции; старение научных кадров и разрыв поколений; косность и неэффективность системы управления научно-исследовательскими работами; критически низкий уровень государственного инвестирования. Шесть могучих факторов, каждого из которых, в общем, хватило бы, чтобы пришибить как синологию, так и любую другую науку. Но тут, в этом списке из шести, есть пункт 2: устойчивый спад качества работ. В этом пункте никакой вины нет самих ученых?

Ещё одна фраза, которая мне попала сегодня — как специально к нашему сегодняшнему разговору. Я её выписал ровно потому, что она абсолютно типичная — таких



А.Н. Привалов

фраз можно услышать миллион: *«Понятие профессионализма в гуманитарных областях размылось настолько, что определить его каким-то формальными методами уже не представляется возможным»*. Это мы слышим каждый день в самых разных областях, конечно, прежде всего в гуманитарных. Вины научного сообщества в этом нет? Это только внешние обстоятельства?

Какие-то науки, формально считаясь существующими, перестали существовать как активные участники происходящего. Например, в стране второе десятилетие идёт свирепая реформа образования. Слышен в этой реформе голос педагогической науки? Скорее, нет. Педагогическая наука перестала существовать, она как активная единица не существует, она разобрана на детали, и не очень понятно, собирается ли она восстанавливаться. В этом вина только внешних обстоятельств, только министров образования?

Можно и шире. Можно говорить даже не об отдельных дисциплинах (в каждой из них есть свои пряники и свои тёмные места), можно говорить в целом. В целом научная элита — тут уж, наверное, не только гуманитарная, а вся научная элита, — в какой

степени готова нести ответственность за захлёстывающее страну невежество, за невысказанно низкий уровень знаний в чём угодно, который светится везде, где кто-то пытается знания показать? За это научная элита как-то отвечает?

Я думал, что сегодня будет присутствовать господин Бортко,— я бы с удовольствием сейчас поклонился ему за создание вместе с покойным Евстигнеевым блистательного образа профессора Преображенского, который с удовольствием рассказывал о том, что разруха — в головах, о том, как и когда пропадает калабуховский дом, но совершенно не видел ни тени своей ответственности в том, что произошло. Это образец для подражания? Научная элита именно так должна себя ощущать?

Если говорить о совсем недавно пережитом нами, исторически недавно пережитом нами сломе эпох — произошёл он уже четверть века назад, и тогда, помимо прочих потрясений, потрясением для многих (для меня точно, думаю, что и для многих других) стала какая-то феерическая, баснословная беспомощность всего спектра гуманитарных наук на открывшемся поприще. Ничего не было предсказано, ничего внятно не было описано, никаких внятных рекомендаций не было дано, а коли было дано, никто не слышал. Вот мы обычно, друг с другом когда беседуем, мы жалуемся, что когда что-то происходит, мы слышим массу невежественных суждений и не слышим суждений профессионалов.

А мы их почему не слышим? Я не стану заступаться за СМИ, я хорошо знаю мир СМИ — СМИ сегодня в стране очень скверные. Но одни ли малограмотные корреспонденты виноваты в том, что когда что-то происходит, они спрашивают не тех? А экспертное сообщество знает ли свою структуру? Само экспертное сообщество готово ли показывать тех людей, с которыми надо разговаривать, и не показывать тех, с которыми разговаривать не надо, и дезавуировать их? По-видимому, нет.

Ну, и особая статья — экономика. Если все остальные гуманитарные науки могут справедливо пожаловаться на то, что они за последние 20 лет загнаны под плинтус, что финансирование уменьшено, число студенческих мест уменьшено, число преподавательских мест уменьшено. Уменьшено, уменьшено, денег нет, ничего нет, всё сыплется, всё рухнет, — мы не виноваты, вот так оно получается. Не мы такие, жизнь такая. С экономикой (наукой) не так. Экономика у нас расцвела. У нас под каждым забором выпускают экономистов. Ну, и юристов тоже. Если мы сейчас, закрыв глаза, бросим камень, мы скорее всего попадём в экономиста.

Экономическая наука владеет правительством. Ведущие тренды в современной российской экономической науке, безусловно, царствуют в экономическом блоке правительства. Они, безусловно, царствуют в так называемой качественной части прессы. Террор против любого высказывания, не совпадающего с генеральной линией, избранной экономистами, — удивительный, такого террора не разворачивал Писарев против Лескова. А результат? Абсолютно царствующая, абсолютно цветущая экономическая наука, и поразительно низкие, хуже, чем во всех странах ОЭСР, хуже, чем почти во всех странах БРИКС, хуже, чем во многих сырьедобывающих

странах,— макроэкономические показатели довольно стабильны в последнее время. За это кто-нибудь отвечает? Кто-нибудь готов за это отвечать — не уголовно, сохрани Господь, внутренне?

Вот, собственно, обо всём этом гигантском круге вопросов и хочется сегодня послушать. Я совершенно не предрекаю того, о чём будут говорить наши ораторы, я этого не знаю, но думаю, что о чём-то из этого. И о чём-то из этого мы будем говорить в обсуждении.

Наш первый сегодня докладчик — директор Московского Центра Карнеги Дмитрий Витальевич Тренин. Прошу Вас.

Д. В. Тренин

Большое спасибо за приглашение, господин председатель. Сразу должен сказать, что я не исследователь этого вопроса, а скромный практик, у которого есть какой-то опыт общения, какая-то возможность для сравнений. Об этом, собственно говоря, я постараюсь в течение нескольких минут поговорить. И я сразу нижайше должен попросить извинений за будущее возмутительное поведение, потому что после своего выступления мне, к сожалению, придётся вас покинуть. Я так никогда не делаю, но сошлись какие-то вещи, и мне придётся практически заниматься тем, о чём я сейчас буду говорить.

Я буду говорить только об аналитических центрах, которые имеют какое-то отношение к внешней политике. Я рад, что работаю в центре, который был первым в ряду международных, занимающихся внешнеполитическими вопросами,— Фонд Карнеги был основан ещё в 1910 году. С тех пор появилось много других центров, сейчас в мире их — только посчитанных — 6,5 тыс., по-моему, все они очень разные и прошли длительную эволюцию. Когда-то всё начиналось с опытных дипломатов и историков, интересующихся современностью,— примерно до Второй мировой войны. После Второй мировой войны, с появлением ядерного оружия и других технических средств, ракетного оружия, которые были недоступны — материи, я имею в виду, были недоступны — для обычных дипломатов, появилась нужда в людях извне. В людях, которые были бы не отставными сотрудниками системы или не профессорами университетов, а в тех, кто занимался часто далёкими от внешней политики проблемами.

Появилась целая плеяда, когорта блистательных умов, ставших стратегическими гуру в Соединенных Штатах. Примерно в то же время в России, в Советском Союзе, появились люди, которые сумели, наверное, в первый и единственный раз пока в истории нашей страны, стать не просто, так сказать, референтами больших начальников, но фактически их советниками и в какой-то степени сосозидателями внешнеполитического курса советского руководства. Это и академик Иноземцев, и академик Арбатов, и академик Примаков. Этот был золотой век, но прошёл. Очень важно, что эти люди имели возможность непосредственно контактировать с первым лицом государства, и это действительно давало возможность и непосредственно влиять на принятие

политических решений, ну, и нести ответственность, безусловно. Здесь уже ответственность — как хотите, можете называть её моральной, а можете называть её политической. Потому что ответственность здесь, очевидно, была со стороны тех, кто предлагал те или иные варианты решений.

Сейчас, если посмотреть на то, что видно на этой большой, глобальной поляне, бросается в глаза, насколько сильно отличаются аналитические центры и их влияние в Соединенных Штатах и, я бы сказал, в остальном мире. В Соединенных Штатах это, прежде всего, частные организации, частные центры, основанные на американской культуре благотворительности, при традиционно ограниченной роли государства в США.

Американская система постоянной ротации людей из академии, условно говоря, или людей из аналитических центров и людей в правительстве позволяет одним проверять свои теоретические или какие-то другие аналитические выкладки на практике, а другим — приобретать более глубокий взгляд на предмет. И вот такое чередование, когда вы, скажем, четыре-пять-шесть или сколько-то лет находитесь в правительстве, как говорят, а потом такое же количество или какое-то другое количество лет — в аналитическом центре, а затем опять возвращаетесь в правительство, — это, на мой взгляд, имеет много положительных сторон. Хотя есть и отрицательные.

Но, я подчеркиваю, это американский опыт, и в других странах он практически отсутствует. Практически везде в Европе аналитические центры создаются государством и работают на деньги государства, в интересах государства — это и Западная Европа, и Восточная Европа. Частных организаций мало. Есть организация политических партий, как в Германии, но это фактически тоже квазигосударственные организации. Ту же самую картину мы видим и в Азии, и в Китае, и в Японии.

Для нас, на мой взгляд, — повторю, я никогда не пытался анализировать профессионально эту ситуацию, я просто говорю так, как она мне видится со стороны, — у нас налицо очевидный кризис академической науки, очевидный кризис аналитики. По-разному пытаются выйти из этого кризиса, кто-то более удачно, кто-то менее удачно. Есть опыт ИМЭМО — по-моему, скорее позитивный. МГИМО — тоже, наверное, позитивный. Интересный опыт Российского совета по международным делам. Очень важный, на мой взгляд, опыт неправительственной, единственной действительно неправительственной организации, которая работает в области внешней политики, — Совета по внешней и оборонной политике. Это всё здорово и интересно. Что-то появляется в области международной аналитики на университетском уровне. Но в целом Россия пока, с моей точки зрения, ещё далеко не продвинулась в создании современной экспертизы.

Я бы сказал, что всё-таки главная ответственность, с моей точки зрения, лежит не на конкретных специалистах. Главная ответственность лежит на организаторах. Применительно к моему центру — я, в принципе, несу полную ответственность за то,



Д. В. Тренин

что мы исследуем, как мы исследуем, что мы кому-то представляем, не представляем, и в моих силах в общем-то поменять какие-то важные вещи. Конечно, как часть общей политики фонда. Но, я бы сказал, что главная ответственность лежит на директорах — вот от них зависит очень много, и они несут основную ответственность.

Господин председатель говорил о провале нашей экспертизы. Действительно, у нас очевидный провал по Китаю, в китаеведении. И это очень печально, потому что российская синологи, скажем, до 1980-х годов, была одной из лучших в мире, если не лучшей в мире. Это очень печально. Это не значит, что я считаю, что мы совсем отстаём. Вот я лично очень горд, что у меня работает, я считаю, самый лучший и самый перспективный российский синолог, которому нет и 30 лет, вернее, только что исполнилось 30 — Саша Габуев, который не только прекрасно говорит по-китайски и знает, как мне кажется, чуть ли ни всех в Китае, он прекрасно говорит и пишет по-английски, что вообще практически для нашего экспертного сообщества недоступно. А это значит, что мы находимся вне глобального разговора. Если вы не можете не только говорить и объясняться, а писать по-английски примерно так, как вы пишете

по-русски, — я думаю, до тех пор мы будем оставаться немножечко в стороне от основного глобального разговора.

То же самое относится — наверное, в меньшей степени — к Европе. Недавно попытались найти какое-то количество германистов и сравнили с тем количеством, которое было где-то в 1980-е годы, — в разы уменьшилось количество людей, знающих Германию. Может быть, поэтому, может быть, по другим причинам для нашего правительства, для президента, я думаю, в первую очередь была шоком та реакция, которую он получил в ответ на Крым от Германии. Потому что он сделал в своей знаменитой речи такой проброс в сторону Германии, который немцами, практически всеми, был сразу же отвергнут. И для нашей политики тот факт, что германский бизнес без разговоров поддержал канцлера Меркель в вопросе о санкциях, был колоссальным ударом.

Соединенные Штаты Америки — здесь мы как бы всё знаем про Соединенные Штаты Америки, как бы всё, что нужно знать. На самом деле качество американистики гораздо ниже, чем это было во времена Леонида Ильича Брежнева.

Господин председатель говорил о расцвете псевдоэкспертизы — мне здесь нечего добавить. Но это государственная политика, друзья мои. Это надо чётко понимать: не политика конкретного руководителя канала, а информационная политика государства. Как аналитик я прекрасно понимаю, почему это делается, зачем это делается. Мы все видим, как это делается. Хорошо это плохо — судить тому, кто это заказывает, с точки зрения опять-таки той группы, которая заказывает ту или иную, скажем, телевизионную картинку и саундтрек к ней. Я думаю, что для нас, тех, кто занимается аналитикой, это очень серьезная проблема. Ну, проблема, не проблема, но просто мы должны учитывать такие факторы, как закрытость государства — внутренняя закрытость государства и внешняя закрытость государства. Я имею в виду под государством государственные институты, государственную бюрократию. Это факт, который надо иметь в виду.

Интересным фактором является появление квазиидеологии. На мой взгляд, появление квазиидеологии не так плохо. Плохо, когда она — а это часто у нас бывает — вульгаризируется. И вот вульгаризация патриотизма — это вещь очень неприятная. Патриотизм — замечательная вещь, но его вульгаризация может нанести большой вред, и наносит.

И конечно, нам надо иметь в виду, что, в отличие даже от советских времён, у нас сегодня фактически абсолютная монархия. Вопросы, о которых мы здесь говорим, — Сирия, Украина, то есть серьёзные вопросы, не отношения с Чадом, а серьёзные вопросы, — решает фактически один человек. Предсказать решения одного человека — как политические, так и частные — практически невозможно. От одного человека зависело, брать Крым или не брать Крым. От одного человека зависело, посылать ВВС в Сирию, не посылать ВВС. Я безотносительно к оценке, просто о самой технологии принятия политических решений. И человек, в общем-то, фактически является сувереном. Это надо иметь в виду.

В России между практиками и аналитиками, наверное, как в государствах Европы, не так, как в США, существует очевидный разрыв. И те и другие наивны. Люди такие, как я, наивны, потому что я никогда не служил в государственной бюрократии и не знаю, как там двигаются бумажки, и вообще, как это всё на самом деле происходит. Те люди, которые двигают бумажки, читали мало книг, практически не имеют времени думать, и они наивны по-своему. Этот разрыв тоже очевиден, и его надо иметь в виду.

Последнее, о чём я хотел сказать, уже переходя к самому главному вопросу, — об ответственности. Я немного сказал об ответственности людей, которые занимаются организаторскими вещами, административными вещами. Но на всех аналитиков распространяется, на мой взгляд, несколько требований, которые абсолютно непреложны.

Требование интеллектуальной независимости. Это непросто сделать, особенно в наше время, когда трудно выдержать независимую позицию. Независимость на практике означает, что вас бьют с двух сторон. Если вы к какому-то берегу причаливаете, значит один берег вас защищает, вы только с одной стороны можете ждать ударов.

Я думаю, что очень важная проблема — что считать профессионализмом. У меня есть какие-то свои критерии профессионализма, у каждого из вас, наверное, есть свои. Наверное, лучше понимаешь, что такое профессионализм, что — нет, в каждом конкретном случае. Вы можете посмотреть, профессионально написана та или иная бумага или же нет, написана она на основании серьёзного анализа, исследований в какой-то области, с учётом всех имеющихся в открытом доступе материалов, или это нечто, так сказать, подвёрстанное к определённой политической или какой-то другой персональной линии. Много других вещей входит в понятие профессионализм. Я не буду здесь говорить, я думаю, что вы можете говорить об этом лучше и профессиональнее, чем я.

Я хотел бы подчеркнуть ещё пару вещей. Включенность в глобальные процессы. Довольно печальное зрелище бывает на встречах российских и иностранных коллег, когда очень мало кто из российских коллег способен внятно, чётко, хорошо и несмешно говорить по-английски. Это, в общем, сразу снижает качество дискуссий. Через переводчика получается не здорово. На самом деле это ведь не только знание языка, это и знание, как мы прекрасно понимаем, литературы. Если вы не очень хорошо говорите, вы, собственно, с большим трудом читаете, значит, вы читаете меньше или читаете, не всё понимая. Это серьёзно ограничивает возможности. Я думаю, что для людей, которые занимаются международной проблематикой, кроме языка, скажем, своего региона, который они изучают, абсолютно необходимо такое знание английского языка, какое у моего коллеги Габуева, например, когда можно писать по-английски и сдавать это в *Financial Times*, или в *Foreign Affairs*, или куда-то еще.

И самое последнее. Я думаю, что возможности аналитических центров влиять на принятие внешнеполитических решений близки к нулю. В нашей стране, я думаю, это ноль. В Соединенных Штатах немножко по-другому, потому что там идёт такая — мы говорили об этом — постоянная ротация, и немного по-другому построено государство. Я бы не переоценивал влияние центров там, но оно всё-таки есть. В Европе это влияние тоже не многим выше, чем в России. Поэтому я делаю заключение, если угодно, вывод.

Как я вижу цель своего центра? Учитывая, что, вообще говоря, мы не являемся агентом иностранного государства, но мы являемся представителем иностранного государства, то есть частью иностранного государства в России, если брать наш Центр как часть глобального фонда со столицей в Соединенных Штатах Америки, — мы, естественно, не можем претендовать на влияние на российскую политику, потому что это запрещено законом. Мы это и не делаем. Но я думаю, что это невозможно делать и тем, у кого нет флага Соединенных Штатов или какого-то другого в каком-то там месте.

Я думаю, что главная задача, реальная задача, которую могли бы ставить перед собой аналитические центры, занимающиеся внешней политикой, — это образование элит прежде всего, и образование общества. Вот это посылно, это можно делать. Это можно делать по-разному, не обязательно с телевизионных экранов — наверное, это не самый лучший медиум для таких образований. Но это то, что можно делать. Этим занимается, например, Совет по внешней и оборонной политике, они постоянно под руководством Фёдора Лукьянова устраивают вот такие семинары в Культурном центре ЗИЛ. На мой взгляд, это прекрасный пример того, как должен работать аналитический центр в такой стране, как наша. Спасибо большое.

А. Н. Привалов

Большое спасибо, Дмитрий Витальевич. Вы всё-таки указали в соответствии с названием нашей темы по крайней мере одну зону ответственности не организаторов, не государства, а конкретно гуманитарных учёных. Значит, если кто-то не знает английский — в общем, это его ответственность, никто другой не виноват. Уже хорошо. У Вас есть ещё время ответить на несколько вопросов?

Д. В. Тренин

У меня есть пять минут, если можно.

А. Н. Привалов

Отлично! Господа, вопреки нашему обычному регламенту, поскольку наш докладчик уезжает, — вопросы к первому докладчику. Пожалуйста, Татьяна Владимировна.



Т. В. Черниговская

Т. В. Черниговская, *заведующий кафедрой, заведующий лабораторией когнитивных исследований, профессор СПбГУ.*

У меня вопрос вот какой: а кроме интуитивного, есть ли какие-нибудь способы оценки интеллектуального профессионализма тех людей, которые в таком дискурсе участвуют? Я имею в виду не технические, разумеется, вещи, которые Вы абсолютно точно описали, а вот интеллектуальный профессионализм как таковой. Не владение языком, не чтение книг — это всё понятно. Я веду к тому, что получается, что мы, вот так, как Вы это описываете, выпали из мирового дискурса. Как бы этот разговор идёт сам по себе, а мы случайно зашли в гостиную, где люди сидят и беседуют. Но это не совсем тот вопрос, который я хотела задать. Вот Вы как профессионал — Вы понимаете именно интеллектуальный профессионализм?

Д. В. Тренин

Я, наверное, не смогу ответить на Ваш вопрос, он требует гораздо более глубокого знания или более глубоких размышлений на эту тему. Я скажу одну вещь. Мне

представляется, что наше сообщество в основном работает на себя. Скажем, молодой специалист пишет кандидатскую диссертацию, средний специалист пишет докторскую диссертацию, доктор пишет книгу, в общем-то, о том, что ему интересно, и то, что он видел, он узнал и т.д.

Для академической науки, наверное, это нормальный и естественный процесс. Для аналитики, на мой взгляд, это совершенно не годится. И мы после почти двадцати лет работы провели у себя довольно тяжелую и кровавую реформу нашего Центра. Вопрос, который я ставлю перед собой, поскольку я одновременно и тренер и игрок, потому что я тоже пишу наравне со своими коллегами, и никаких привилегий у меня в этом смысле нет,— я всегда задаю вопрос: а зачем я это делаю, зачем я пишу статью, кому и что именно я хочу сказать, могу ли я свою мысль выразить в Твиттере в 140 знаках, чтобы это не было банально? Это можно сделать по-английски, это нельзя сделать по-русски, неважно, вопрос, так сказать, в принципе. Есть ли в том, что мы предлагаем, какие-то новые мысли?

Очень мною уважаемый министр иностранных дел в отставке Игорь Сергеевич Иванов, с которым мне очень много и часто приходится встречаться, президент Российского совета по международным делам, то есть он наш коллега сейчас, сказал, что польза от всех аналитических центров для тех, кто реально принимает решения, почти нулевая. То, что вы пишете, приводите ваши соображения,— всё это часто далеко от реальности, вы бы поговорили, посмотрели, что делается. И это действительно так. Поэтому главное, на мой взгляд,— я не говорю об академическом профессионализме, а о профессионализме именно людей, занимающихся аналитикой в области внешней политики,— это четко понимать, что они хотят сказать, кому они хотят сказать и какой результат они хотят получить в итоге. Если они этого не знают, то, на мой взгляд, в этой сфере вряд ли они смогут что-то полезное сделать.

Т. В. Черниговская

Ещё совсем полвопроса. Вот эта ситуация параллельных вселенных, в таком случае, безнадежна?

Д. В. Тренин

Нет, конечно. Тем более я бы не стал идеализировать ни одну, ни другую, так сказать, национальную ситуацию. Несмотря на то, что в Америке самая мощная группа аналитических центров, и они все прекрасно говорят по-английски, и пишут тоже неплохо,— многое, что пишут и говорят там, в общем-то, не блещет какой-то глубиной или высотой. И я бы сказал, что для нас, как для страны, которая, на мой взгляд, проходит через очень тяжёлый, но очень важный кризис,— я смотрю на него с позитивной точки зрения. Ну, позитивной, не знаю — если больной не умрёт, то поправится обязательно. Вот мы пока — не известно: если не умрём, а я надеюсь, что мы не умрём, то мы будем гораздо лучше, чем были раньше и чем сейчас.

Я не думаю, что нам нужна какая-то национальная стратегия, национальная программа. Просто те, кто непосредственно вовлечён в это дело,— каждый должен для себя выстроить какую-то стратегию и действовать в соответствии. А потом надо посмотреть, насколько это успешно. Я не хочу хвалиться. У меня работает шесть старших научных сотрудников. Наш центр занимает 24-е место в мире из 6500. Шесть человек — не 600, не 60 и даже не 16. Так что вполне возможно. Дело не в баснословном финансировании. Да, финансирование должно быть, оно должно быть достойным, то есть в разы выше, во многие разы выше, чем есть сейчас. Но людей, может быть, 600 не нужно.

Не буду касаться Академии, но институты, которые занимались внешней политикой, насчитывали сотни людей: и ИМЭМО — около тысячи, и Институт Соединенных Штатов и Канады — в тяжелые времена 250 человек, из которых 30 приходило на работу.

Я понимаю социальные вещи, я много чего вижу, и у меня нет особых иллюзий. Но опять-таки, если речь идёт об академических институтах — это ответственность Академии наук. И тут вопрос не только о зданиях, о собственности и т.д. Самое главное в науке всё-таки не собственность, самое главное другое.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Витальевич.

Д. В. Тренин

Ещё раз извините меня, пожалуйста, я должен уже уйти.

А. Н. Привалов

Да-да. Мы входим в Ваше положение. Всего доброго, и ещё раз спасибо.

Наш следующий докладчик — Никита Иванович Масленников, советник Института современного развития. Прошу Вас.

Н. И. Масленников

Добрый день, уважаемые коллеги! Для меня большая честь присутствовать у вас сегодня и поделиться своими соображениями.

Честно говоря, я как-то не готов отвечать за всю экономическую науку и тем более за её ответственность. Тем более что я по большей части практик, всю свою сознательную и профессиональную жизнь я занимаюсь информационным обеспечением принятия решений в сфере экономической политики, не более того. Но вот господин председательствующий меня подвиг к началу. Я процитирую господина Привалова: «Ведущие тренды российской экономической науки царствуют в правительстве». Примерно так, да?

А. Н. Привалов

В экономической части правительства.

Н. И. Масленников

В экономической части правительства, да. Вы знаете, я готов согласиться отчасти с этим, и в то же время сразу развернуть несколько как бы таких провокативных месседжей, пообсуждаем, может быть, потом.

А вот это хорошо или плохо? Это эффективно, перспективно или как? Безотносительно к тому, что сегодня в нашем экспертном сообществе непростые дискуссии между лагерями и партиями, разведёнными по разные стороны ринга, многие, так сказать, обижены друг на друга и т.д., и т.п. А вообще сама эта ситуация, когда на глазах происходит некое огосударствление экономической мысли в целом, когда, собственно, независимых экспертных центров практически не осталось? И когда начинаешь смотреть, а что же интересного, что нового, что важного, что свеженького, что попадает в предмет,— то смотришь прежде всего отчёт аналитических команд и даже не российских, а глобальных банков. А потом уже, на третьем, четвертом, а скорее всего, на седьмом, восьмом местах в поминальнике, что надо посмотреть,— это работы, опубликованные в наших академических журналах.

Понимаете, ответственность учёного или ответственность аналитика, ответственность вообще профессионала начинается с того, попадаешь ты в свой собственный предмет или нет. Просто нужно себе отвечать всегда на вопрос прямо и честно: ты чем занимаешься, парень? Когда я вижу царствующую экономическую науку в экономическом блоке правительства, у меня большой вопрос: не разошлись ли вы с собственным предметом, господа хорошие? Потому что неопределённость и потеря перспективы свойственна ведь не только бизнесу, не только элитам, не только членам активного государственного управления на сегодняшний день,— в одной лодке и экономисты. И наиболее наглядный, по-моему, пример потери ориентира или утраты своего собственного предмета — это самая политкорректная, извините за вульгаризм, фенька 2015 года: «новая экономическая реальность».

Вот мы приспособляемся, приспособляемся. С кризисом всё понятно, с кризисом надо бороться, да, бизнесу надо бороться. А вот приспособляться можно по-разному. Приспособление в наших российских условиях — это всегда претензия на дополнительные государственные ассигнования, поддержку, помощь, финансирование и т.д.— вот цена приспособления. Между тем, когда уже стало очевидно, что бюджет такой, дефицит безразмерный, всё безрадостно, то в экспертном сообществе сразу возник некий оперативный консенсус: да, структурный кризис, у нас структурный кризис, напоминающий 1980-е годы. Ещё немножко, ещё чуть-чуть, и вот несколько серий ошибочных решений в области экономической политики подведут нас к катастрофе, и всё закончится, как в Советском Союзе. А выход из этого только на пути структурных реформ.

Дальше, естественно, единство за этой констатацией рассыпается как карточный домик, потому что в спорах предмет порой вовсе ускользает, в том числе по той простой причине, что на сегодняшний день большая часть экономической науки



Н. И. Масленников

не попадает в рекомендации для экономической политики. Я потом ещё к этому вернуться, но просто хочу такую провокацию выстроить. Вы понимаете, доля госсектора в ВВП, по разным оценкам, минимум, который признаёт правительство, — 50%. По оценкам уважаемых международных организаций, с которыми тоже можно спорить, — ну 60%. От 50 до 60% — это доля госсектора в нашем валовом внутреннем продукте. Что делает экономическая наука? Казалось бы, обратите внимание, как же он устроен. А госсектор — это не только бюджет. Между прочим, на сегодняшний день это каждый четвертый в активном, экономически активном, населении зависит так или иначе от государства.

Вот что такое в этих условиях понимать экономику? Без знания, как устроена власть, как работает госуправление, как возникают мотивации при принятии того или иного решения, какие закономерности во всём этом существуют в работе этого «чёрного ящика», — без этого знания заниматься экономикой всерьёз сегодня в России невозможно. Тем не менее у нас есть правительство, в котором царствует якобы экономическая наука. Какая наука там царствует — большой для меня вопрос.

В итоге получается, естественно, парадокс: рекомендации выдаются, но рекомендации воспринимаются только в той части, в какой они усваиваются. Есть языковой барьер.

В общем, чем дальше, тем больше — господин Привалов уже об этом говорил, — макроэкономические результаты достаточно безрадостные. Минфин нарисовал отвратительную перспективу до 2030 года. Но это всё и так понятно было до всяких санкций, Крыма и всех прочих вещей, которые выедали примерно чуть больше 2% ВВП каждый год.

Тем не менее давайте посчитаем. Административно-надзорное бремя за счёт избыточных регулятивных функций государства от пожарных до всяких разных других правоохранителей, и бесконечная череда судебных решений, — как вы думаете, сколько это примерно? По официальным оценкам Минэкономразвития, 800 миллиардов рублей ежегодно. Если на конец прошлого года номинальный ВВП в рублях составил около 80 триллионов, то это практически 1%.

А так, в общем, есть нормальные, квалифицированные, которые я очень уважаю, исследования наших экономистов, сделанные ещё задолго до того, как мы начали сползать в 2012 году с 4,3% ВВП до нынешнего вялотекущего состояния: в 2010–2011 гг. мы в год теряли потенциально за счёт отсутствия конкуренции, за счёт избыточного госсектора, за счёт избыточного госрегулирования и т.д. примерно от 2,5 до 3% валового внутреннего продукта. Вот диагноз, он есть. Но почему-то в актуальную повестку это не попадает вот уже долгое время.

Но этого мало. Помимо российской структурной повестки есть ещё категоричское расхождение. Вот тут говорили о параллельных вселенных. Да дело в том, что мы не очень-то представляем себе, как организовано глобальное хозяйство сегодня, которое стремительно меняется. Оно находится в процессе перебалансирования. Всё по-новому, каждый божий день иначе. Старые классические эффекты не работают. Такой пример: девальвации в 2010-х годах и девальвации в 1990-х, как показывает эмпирическая практика, — две большие разницы. Потому что эффект сегодня от этих валютных войн ровно вдвое меньше для стимулирования экспорта, чем было раньше. В чём причина? А экономическая наука не отвечает — она не знает. Некоторые догадки есть у западных исследователей: отчасти, что это глобальные цепи создания добавленной стоимости, ещё что-нибудь. Но на это тоже у нас нет ответа.

Скажем, провал синологии, экономической синологии, в том числе под большим вопросом теперь наши крупные проекты, — это непонимание того, что происходит в китайской экономике. Когда мы ещё год назад спорили со многими, принимающими решение, о том, что там на фондовом рынке вот-вот произойдёт взрыв, мне говорили: «Парень, ты чего? Ты вообще не понимаешь, ты против политики партии и правительства идёшь с открытым забралом». Я говорю, ребята, ну через три–четыре недели вы посмотрите на частоту просто упоминаний. Даже не надо никаких цифр — вот частота упоминаний в заголовках газет в мировой деловой прессе. Что, это

не сгущение ожиданий? Они что, все совсем глупые люди? Нет, мы не понимаем, эту методику мы знать не хотим. Но случилось и случилось.

На сегодняшний день общий китайский долг составляет 346% к ВВП. Дальше есть вопросы? Очевидно, риск потери управляемости и всё такое прочее. Мы прозевали? Прозевали. Не хотели этого знать? Не хотели. То же самое сейчас происходит с Транстихоокеанским партнёрством: «А, это вот нам не нравится». Не нравится, ну что же делать? А оно создаётся, активно развивается, начинает впитывать в себя новых членов.

Понимаете, я к чему это всё говорю? Потому что мы живём в мире — это к определению предмета экономической науки, — когда национальные хозяйства становятся глубоко производными от глобальной экономики. Назовите как угодно — глобализация, кто-то называет «деглобализация», потому что там попятные какие-то движения есть, ещё как-то — неважно. Есть два тренда, которые совершенно чётко определяют и заставляют нас не стоять на месте, определяют нашу будущую экономическую жизнь.

Во-первых, это стандартизация и универсализация деловых практик в целях сведения к минимуму так называемого регуляторного арбитража. Если будут вопросы, объясню, что это такое. Это, с одной стороны. И с другой стороны — рост и разнообразие институциональных дизайнов в различных видах и т.д. в силу политических традиций и особенностей социокультурных, религиозных факторов. Но мы живём в условиях конкуренции институтов — вот главный вызов национальной конкурентоспособности. И эта конкуренция будет ужесточаться.

А вот дальше начинается зона российской ответственности экономической науки, в которую она не вполне попадает, потому что это всё-таки институциональное направление. А что такое структурная реформа? Это правила игры. Это новые институты или совершенствование старых. Это устойчивые и уверенные правила игры надолго. И вот здесь начинаются, так сказать, разные очень неприятные вещи.

Я возвращаюсь к тому, о чём начал говорить наш председательствующий: экономический блок, иногда его называют либеральным. Я думаю, что это всё-таки достаточно сильное преувеличение и заблуждение. Он либерал-дирижистский. Потому что наука, да, там царствует, но в практике — ручное управление. А ручное управление — это ровно об обратном, противоположном, перпендикулярном структурным реформам как созданию устойчивых правил игры надолго и всерьёз для всех, и тем самым мотивирующих бизнес. Если у меня, допустим, тарифы на цены структурных монополий, на их услуги на три-пять лет, — тогда я понимаю, как рассчитать инвестиционный цикл. А когда они меняются поквартально, — я ничего не понимаю, я тогда сворачиваюсь и ухожу в другую страну, туда, где, по крайней мере, мне понятно. Вот и всё, выбор-то капитала — животное очень пугливое.

Либерал-дирижизм — он о другом, он о правилах исключения из правил. Понимаете — когда государственные корпорации и компании становятся



С. Н. Ениколопов

отраслевыми отделами различных эшелонов нашей российской славной бюрократии. Или наоборот, тут по-разному может быть, всё зависит от вкуса. Тем не менее ситуация такая.

Суммируем конкретику, дальше поговорим, если хотите, в ответах на вопросы. Первое, с чего начинается ответственность,— во-первых, вы должны чётко попадать в собственный предмет, актуальный предмет. Реальность вот такая, а вы занимаетесь совсем другим. И второе — то, что сегодня действительно общемировой тренд, из этой реальности вытекающий,— это структурные реформы. Умеет ли российская экономическая наука рекомендовать, как их проводить, знает ли она, как их делать? Мой ответ категорически однозначный: нет, на сегодняшний день нет. Может получиться? Может. Но это вторая составная часть, так сказать, обратная сторона медали — социальной ответственности экономического аналитика, если хотите, на сегодняшний день.

На этом пессимистическом заключении я, с вашего позволения, возьму некоторую паузу. Если будут вопросы о содержании того, что я понимаю под структурными реформами, я готов ответить.

А. Н. Привалов

Спасибо, Никита Иванович. Прошу вас — вопросы.

С. Н. Ениколопов, *заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья населения РАМН*

Можно с того места, где Вы сказали, «что я понимаю под структурными реформами»? Потому что я всё время слышу: нужны структурные реформы, но ни разу не видел просто перечня того, за что выступает человек.

Н. И. Масленников

Я не осмелюсь говорить о перечне. Я могу сказать о принципе в моём понимании, — есть огромное количество точек зрения. Что я под этим понимаю? Экономическая структура — это, прежде всего, система регулятивных режимов, правил.

Вот чем руководствуется бизнес при принятии своих собственных решений? Это налоговая система. Это денежно-кредитное регулирование. Это учётная ставка. Это плавающий курс или не плавающий курс, какой угодно. Всё это на экономическом языке называется «регулятивная среда», «институциональная среда». Структурные реформ именно здесь. А не то, что мы там поддерживаем какие-то отрасли и т.д. Вот если мы здесь наведём порядок, тогда, соответственно, рождаются целые кластеры мотиваций для всех остальных.

Начали что-то делать? Безусловно, начали. И здесь тоже есть свои риски. Можно сколько угодно ругать и спорить по поводу действий Центрального банка, но то, что они перешли к таргетированию инфляции (удачно — не удачно, но перешли), к плавающему курсу тоже перешли — это всё-таки уже некое начало структурных реформ. Эффект есть? Есть. В ступенчатой девальвации 2009 года за счёт поддержки курса спалили почти 220 миллиардов долларов. Кончилось это практически ничем. Сейчас удалось удержаться от этого, но результат тоже, в общем, не слишком впечатляющий. Почему? Потому что, на мой взгляд, наш денежно-кредитный авангард, который продолжает давить инфляцию, продолжает зачистку банковского сектора, теперь уже начал на финансовых рынках то же самое делать, — он слишком оторвался.

Вот основные силы нашего экономического блока правительства отстали. А что это означает? Они пока не занимаются повышением эффективности бюджетных расходов. И это второе направление этих самых структурных реформ — более конкретное содержание. Потому правила правилами, а правила ещё расписывают движение денег. Ну, если я вам скажу, что примерно в каждой статье бюджетных расходов на сегодняшний день от 15 до 20% воздуха, то вот и делайте вывод, насколько эффективно тратятся деньги налогоплательщиков.

Чтобы не быть голословным: 440 миллиардов рублей в прошлом году перерасходованы за счёт только одной такой простой вещи, как несовременные, старые, архаичные нормативы сметной стоимости строительства. По официальным данным Счетной палаты, по одному только космодрому «Восточный» по этим старым сметам

(плюс там ещё всякие свои дела) претензии по поводу расхода — 93 миллиарда рублей. А есть такое бюджетное понятие, как неиспользуемые авансы, то есть вам бюджет может выделять деньги подо что-то, но вы обязаны либо предъявить результаты работы, либо предъявить документацию. Вот если это всё суммировать — нет ни результатов, ни документации, — то общая сумма по прошлому году открытого финансирования составляет 4 триллиона 100 миллиардов рублей. Это тоже основание для того, чтобы заниматься бюджетной реформой.

Наконец, самое главное в том, что сама структура бюджетных расходов абсолютно перекошена в сторону пока неадресной социалки, оборонки и государственного управления. В ущерб, естественно, образованию и здравоохранению, которые уже подходят к точке невозврата, в ущерб инфраструктуре, — ну, вот то, что предлагалось ещё в так называемой «Стратегии-2010», которую многие ругают, говорят, что она не состоялась. Не состоялась по той простой причине, что один из базовых принципов этой программы для бюджетной политики — перераспределение 3% государственных расходов в ВВП с обороны и неэффективной социалки в пользу образования, инфраструктуры и здравоохранения. Ну, еще нужно было снять с неэффективных субсидий экономики. Плюс к этому ещё межбюджетные отношения. Вот примерно такой перечень. Дальше я уже не говорю о пенсионной реформе, потому что она связана напрямую с бюджетными расходами и т.д.

Вот примерно то, что я понимаю под тем необходимым минимумом структурных реформ, которые можно сегодня сделать. Иначе, если не будет переформатированной бюджетной политики, то, извините, через несколько месяцев будут абсолютно правы все критики Центрального банка, что его действия ни к чему не привели. Не привели не потому, что это ошибочная политика или они раньше времени начали — начинать надо было, потому что мы спалили бы резервы. Но проблема заключается вот в этом риске — в риске дезинтеграции государственного управления на сегодняшний день, когда одни оторвались, а вторые, как обоз, отстали.

А. Н. Привалов

Спасибо, Никита Иванович. Значит, как я понимаю, главная ответственность экономической науки в том, что её недостаточно внимательно слушают. Ну, знаете, на свете нет такой науки, которую слушают на 100%, её в природе нет. Сколько слушают, столько — спасибо, что же.

Н. И. Масленников

Не совсем так. Понимаете, когда у вас госсектор такой, вы должны понимать, как устроено государство. Поэтому наука должна быть. Я бы так сказал, что экономическая наука сегодня проходит мимо экономической политики. А экономическая политика — это ещё один очень животрепещущий, очень сложный предмет, который у нас до сих пор не сформировался.

А. Н. Привалов

А то, что она проходит мимо этой важной, по Вашему мнению, части,— это не её ответственность?

Н. И. Масленников

Это её ответственность в том числе. Потому что, если вы живёте в нашей стране, если вы понимаете, что такая структура экономики, вы понимаете, что такое государство,— да если вы нормальный, честный профессионал, вы должны себе задать вопрос, а почему это происходит! Это можно вообще назвать экономической политикой — имитацию потока решений сверху вниз, и там вроде кто-то чего-то где-то исполнит. Такой ордонанс [королевские указы] «Я, Людовик XIV». Вы помните, как у Маяковского: «Какого вам Луя?» [«Баня»]. Давайте определимся — какого. И что из этого изменится? А на самом деле ведь экономическая политика — это понятие сугубо институциональное, это система регулярных, ежедневных отношений.

А. Н. Привалов

Вопросы, пожалуйста, чтобы был диалог.

Т. В. Черниговская

Можно еще вопрос? Господин Тренин, к сожалению, ушёл, поэтому Вам придется отдуваться за двоих. Когда я задавала вопрос про параллельные вселенные, я на самом деле вовсе не имела в виду, что есть некий мир, хороший или плохой, и параллельно с этим существует Россия, где вот такой бардак. Я вообще не это имела в виду, а я имела в виду то, о чём сейчас разговор зашёл.

Есть интеллектуальное сообщество, более хорошее, менее хорошее, но тем не менее оно нечто производит. А вот между этим интеллектуальным сообществом — неважно, как его назвать, профессионалы, аналитики — и остальными, включая все виды власти,— повторяю, не в России, а вообще в мире,— вот между ними-то как раз существует преграда, которая почти непроницаема. Возникает вопрос, что в связи с этим делать? Конечно, каждый должен делать своё дело, и по возможности, ответственно.

Но здесь попахивает психиатрией. Понимаете, пациент может, вообще-то, сам и книжки почитать, он знает, что есть галлюцинации и т.д., он также знает, что не Солнце вокруг Земли вращается. Но в глубине-то души он знает, что Солнце вращается вокруг Земли или даже вокруг него самого. Получается история такая, что как бы знания и интеллектуальный багаж, включая самый лучший, растут в одной теплице, а жизнь идёт вне этой теплицы отдельно. Вот в этом беда. Мы вылетаем из дискурса, даже не только из того, который идёт, условно говоря, между европейским, включая американское, сообществом. А интеллектуалы со своими пусть самыми совершенными выводами сидят в одной комнате, а остальные в другой принимают

решение. Я совершенно из другой области жизни, так сказать, и занятий, но с моей колокольни не видно ничего, что бы намекало на то, что какая-то дверца откроется. Получается абсурдная история.

Н. И. Масленников

Вы знаете, я ведь практически со всем, что Вы сказали, абсолютно согласен.

Вот пример. Я не хочу хвастаться какими-то достижениями своего собственного института, это не суть важно. Но как только мы в нескольких докладах и записках обратили внимание на разрыв действий между Центральным банком и правительством, на очень серьезный риск разрыва этих регулятивных коммуникаций, на то, что практически провален антикризисный план 2015 года (опять-таки там был перекос в сторону денежно-кредитных властей, они там всё свое решили, а все остальные остались за бортом), то вот тогда уже, с конца года, начались телодвижения.

Не только наш институт, там были ещё институт Гайдара, другие коллеги, Владимир Мау. В том числе и много, кстати, полезного было опубликовано в журнале «Эксперт». Всё вместе это начало потихонечку подтачивать камень. Другое дело, что потом появилась эта системная, непонятная до сих пор многим ошибка: зачем закладывать нефть по 50, когда ясно, что нефть будет стоить 35 и, может быть, даже меньше? Это пока прошибить не удаётся.

Но ведь пока не стучаться, не заявлять, что мы считаем так, мы думаем так, и если ещё целой коалицией экспертных интересов, да ещё поддержанной достаточно солидными деловыми изданиями, то иногда чего-то получается. Пусть на полшага, но всё-таки, поэтому будем действовать так, как умеем. А дальше, если что не получается, вы нас поправите, подскажите.

А. Н. Привалов

Простите, пожалуйста, но всё-таки, если можно, ещё один вопрос, вот я всё свою линию гну. Значит, вот мы же уже четверть века слышим, что реформаторы кругом правы, а вот реформируемый материал неправ, и он никак не поддается. И реформаторы-то всё время одни и те же. Вы спрашивали, кто. Ну, кузьминовская контора и контора Мау — это всё понятно. Не понятно другое.

Вот нам в течение нескольких лет упорно говорят, что вот правильно, что Центральный банк не должен отвечать за экономический рост, и его дело — только стабильность денежно-кредитной сферы, и правильно, что он отпустил в свободное плавание валютный курс. Ну да, он это сделал неудачно — что же, как умел; но правильно, что сделал, правильно, что перешёл к таргетированию инфляции. Почему? Потому что, когда инфляция наконец поддастся таргетированию и будет 4% — начнётся инвестирование, и страна наконец начнёт здорово расти. Видим мы позавчера прогноз Минфина: 4% Минфин нам обещает уже в будущем году. Начиная, по-моему, с 2020-го года — уже меньше 3%. Инфляция затаргетирована в ключья,

вот нет больше инфляции, её разорвали — а экономический рост так и барахтается около 1%.

Нас обманывали всё время. А неважно, ребята, и то, и другое — высоконаучно. Вот это правильно, за это никто не должен отвечать?

Н. И. Масленников

Я могу только Вам ответить, что за инфляцию 4% в этом году и даже в 2017 я не собирался отвечать еще в 2013 году, и сейчас не собираюсь.

А. Н. Привалов

Вопрос был вот какой: за то, что защищаемая Вами линия прямо ставит таргетирование инфляции впереди экономического роста и твердо уверена в том, что он последует. И теперь представители той же самой линии нам объясняют, что нет, не последует.

Н. И. Масленников

Нет, несколько не так. Я считаю, что всё-таки таргетируемая инфляция — это некий, так сказать, синоним другой структуры экономики. Но к ней можно идти разными колоннами. Я уже сказал, что авангард пошёл вперёд и оторвался. В военных операциях это недопустимо, потому что основные силы должны чего-то делать. Основные силы застряли.

А. Н. Привалов

Ну так остановите авангард наконец!

Н. И. Масленников

Ну, остановим авангард. Дальше что?

И. А. Николаев, директор Института стратегического анализа ФБК.

Он не останавливается.

Н. И. Масленников

Он не останавливается, понимаете, это уже своя инерция пошла. Остановим авангард — значит у нас тогда возникают курсовые эффекты совершенно запредельные. И поэтому остаётся подтягивать основные силы под названием экономического блока правительства. Но там есть тоже свои засады. Понимаете, можно сколько угодно говорить о праве частной собственности, таргетировании инфляции. Я-то считаю, что в этом году ниже 8% ну никак не получается пока по году в целом. Но возникает «ночь длинных ковшей» — и привет! Опять отток капитала по февралю, уже по первым двум неделям — в два раза выше январского. Ну и чего?

А. Н. Привалов

Никита Иванович, от меня Вы отбились. Я не услышал от Вас, что экономическая наука хоть в чём-то виновна. Что Собянин прав, я и не утверждал. Ещё вопросы, пожалуйста.

Н. И. Масленников

Экономическая наука виновна. Я Вам всё время сейчас пытаюсь доказать, что подавляющее большинство представителей нашей экономической науки на сегодняшний день занимаются не тем, что востребовано жизнью, они проходят мимо своего предмета, который диктует сегодняшняя жизнь. А Вы говорите, они ни в чём не виновны!

А. Н. Привалов

Всё, понял. Значит, всё-таки виновны. Интересно. Ещё вопросы, пожалуйста. Нет? Пойдём дальше. У нас сейчас будет небольшой доклад на смежную тему. Поскольку мы опасались, что в ходе обсуждения у первых двух докладчиков как-то выяснится, что никто ни за что не отвечает (собственно, так оно и оказалось), то мы попросили социолога Леонида Иосифовича Блехера рассказать о том, как вообще было устроено с организацией ответственного класса в нашей державе в последние несколько столетий, какие у нас на этот счёт есть традиции.

Леонид Иосифович, прошу Вас.

Л. И. Блехер

Некоторое время у назад стало ясно, что из наших актуальных мотивов и понятий, объясняющих те или иные явления, исчезло такое, ещё недавно частое и привычное, понятие «ответственность». Это понятие было действующим и работоспособным во время всей советской жизни. Мы говорили: ответственность перед кем-то (или даже перед чем-то), ответственность за что-то (или за кого-то), вплоть до «я отвечаю за всё». Существовала сложная иерархическая система взаимосвязанных понятий различных ответственностей и т.д.

И вдруг, практически мгновенно, с начала девяностых годов, как-то оказалось, что это понятие исчезло из наших представлений и из нашей жизни. Мы стали всё более убеждены (а для людей, не имеющих советского опыта жизни, это единственно возможная очевидность), что и за нас никто не отвечает, и мы ни за что ни перед кем не отвечаем, разве что по договору и по должностной инструкции. Мы свободны от этого тягла, и отсутствие этой тяжести-ответственности — это и есть свобода.

Нельзя сказать, что это не так, но это не вся правда.

Несколько лет назад социологи вместе с историками России Глебом и Ольгой Елисеевыми попытались разобраться, как это было устроено в России с начала



И. А. Николаев

существования её как единого централизованного государства — века с XV. По результатам этих обсуждений Г. и О. Елисеевы написали статью «Ответственный класс в России», часть основных положений этой статьи я и хочу представить.

Ответственный класс — это общественная группа, занимающаяся исполнением и реализацией государственной российской власти, отвечающая за результаты этой всей деятельности. В ответственный класс в разное время входили социальные группы, различные по знатности, богатству, социальному положению и иным ресурсам. Но это обязательно были люди активные, волевые, способные к управлению людьми и обществом в целом.

Ответственный класс ведёт себя как, собственно, власть имеющие, и часто представителей ответственного класса причисляют к властям. Но это не так. Сам класс власти не имеет, он наделяется властью, пока и поскольку он выполняет приказы и указания и отвечает за достигнутые результаты. Такие, казалось бы, естественные нынче понятия, как права и обязанности, нерелевантны по отношению к ответственному классу и его деятельности. Приказы выполняются,



Л. И. Блехер

и возможности и ресурсы для этого предоставляются. Но на что представители ответственного класса имеют право и что они обязаны делать — сказать трудно.

Со времён Ивана III в состав ответственного класса входил весь служилый класс, духовенство и монашество, купечество и даже верхушка крестьянства (в дальнейшем крестьянство, то есть большинство населения страны, было только управляемым, и в состав ответственного класса входило только во времена войн и социальных потрясений). Это означало, что свою деятельность люди воспринимали не только как частную, но и как имеющую важное значение для страны, выводящее её смысл за личные интересы.

Интересно, что боярство, то есть группа богатых и родовитых людей, доставшаяся России от домонгольской, удельной Руси, в состав ответственного класса, как правило, не входило. Иначе говоря, они не брали на себя ответственности за то, что происходило на Руси, к чему шло дело и пр. Они как бы чувствовали себя свободными от страны в целом и от управления ею.

Стоит отдельного описания ситуация Смутного времени начала XVII века, когда только массовое осознание населением России себя как ответственного класса спасло страну

от распада и гибели. Но, как и впоследствии, этот эффект был недолговечен, хотя, может быть, в мирное и спокойное время иначе и не должно быть.

С точки зрения истории ответственного класса и управления страной через него видно, какой же страшный удар в середине XVII века нанёс церковный раскол. С тех пор и, по сути дела, до самого конца исторического существования царской России ответственный класс покинули старообрядцы. Они как бы сняли с себя ответственность за всё, что происходит в стране, и занялись своими частными делами. Это касалось и крестьянства, и купечества, и духовенства, и старообрядческого (практически это означает — всего) казачества. Последствия этого были катастрофичны, и управляемость страной стала сильно падать.

Довольно распространена точка зрения, по которой Пётр I считается «революционером на троне», железной рукой прогрессирующим страну, придумавшим новый способ управления страной, поднявшим Россию на дыбы и т.д. При этом забывается, что Пётр получил страну в виде развалин и осколков, со слабеющим и исчезающим ответственным классом, расползающимся во все стороны населением, становящимся всё более частным. Страной действительно невозможно было управлять, опираться власти становилось просто не на кого, отдавать приказы — некому. И Пётр в такой аварийной ситуации стал создавать новый ответственный класс, на который он мог бы опираться, и посылать его решать военные и управленческие задачи. Таким классом стала небольшая, но очень энергичная группа землевладельцев, получавшая земли и награды за царскую службу.

У Петра была ещё одна возможность — сделать основной или по крайней мере значительной частью нового ответственного класса класс городских вооружённых мещан, стрельцов. Но по разным причинам — не сложилось. Хотя ясно, что включение в ответственный класс такой группы очень стабилизировало бы и управление страной, и саму страну. И с конца XVII века новым ответственным классом стала группа, состоящая из землевладельцев, получающих земли за службу, а также бывшее дьячество, ставшее государственной бюрократией. Кстати, именно эта, «дьяческая», часть ответственного класса была унаследована последующими веками и является значительной и важной частью управляющего класса до сих пор.

Само понятие «ответственности» как конституирующего фактора ответственного класса — непростое и многосоставное. Есть ответственность перед конкретным властью имеющим лицом, есть ответственность перед статусом властителя как таковым (так сказать, перед троном) и ответственность перед абстрактной идеей — историческими силами, прогрессом, страной в целом и т.д. Приключения этих понятий, их непростые взаимоотношения — это тема отдельного рассказа.

Стоит только вспомнить, что более чем через век после того, как дворянство стало основной частью ответственного класса, оно получило от власти отставку. И одной, а возможно, и самой главной причиной было обнаружившееся и всё более увеличивающееся несоответствие в смыслах и реализации ответственного поведения — у власти,

с одной стороны, и по крайней мере у значащей части ответственного класса — с другой. Иногда это приводило к царевубийствам, но власть всегда сильнее ответственного класса — и в конце концов дворянский ответственный класс был отодвинут от ответственного служения власти и заменён другим.

Эксперименты правящей в XX веке в России власти по созданию нового ответственного класса тоже заслуживают отдельного рассказа. Это были и попытки использовать (и потом, при неудаче, уничтожить) новые, нарождающиеся в начале XX века общественные группы, такие как крестьянские партии, рабочие профсоюзы, объединения учёных и образованных людей. В конце концов был создан очень неплохо работавший класс из «простых коммунистов», и он позволил управлять страной в крайне сложное время, но и этот ответственный класс оказался недолговечным, и его распад, начавшийся в конце 1960-х годов, стал, как я полагаю, причиной распада не только строя, но и страны.

Управление страной через ответственный класс — это способ, существовавший в России веками. Это механизм, движущий такими разными людьми, как Минин и Пожарский, Пестель и Павел Киселёв, майор Михельсон и министр Павел Милютин, и тысячи и тысячи других. В нашей культуре до сих пор нет другого способа управления страной, кроме как через ответственный класс. Это не хорошо и не плохо, и это не значит, что так будет всегда. Но сейчас это так.

Мы должны понимать, что, лишая «ответственность» её высоких оснований, фактически отменяя в общественном сознании это понятие и не предлагая ничего взамен, — мы отменяем самих себя.

А. Н. Привалов

Спасибо, Леонид Иосифович. Жалко, что я раньше не знал Вашей замечательной мысли, что ответственность — понятие не индивидуальное. Это же счастье! Это снимает все наши разногласия. Если ответственность — понятие не индивидуальное, чего я при­ставал к нашим уважаемым докладчикам, просто поступал совершенно бессовестно!

Этот очевидно правильный ход: ничего не объясняя вперед, многое объясняет назад. Поскольку основное в социальном смысле наследие предыдущего нашего строя — это крайняя разобщённость населения, предельная разобщённость, его абсолютная неспособность вот уже в течение четверти века хоть как-то склеиваться, тогда понятно, что и с ответственностью немножко плохо получается.

Но это не значит, что мы на этом прерываем заседание. Прошу вопросы к докладчикам, а когда они исчерпаются, попрошу высказываться уже в форме выступлений. Прошу Вас.

В. П. Мазурик

Можно вопрос такой: Вам не кажется, что, начиная с промышленной революции, потом технократической революции, сейчас информационной и т.д., возникла такая



В.П. Мазурик

идея, что новые ответственные задачи будет давать уже, скажем, не государственная, национальная власть, а некая международная корпорация? И ответственным классом будут технократы, которые, зная, что происходит,— единственные способные контролировать как-то эти технократические процессы, и вот они будут в первую очередь этим новым ответственным сообществом?

Л.И. Блехер

Само по себе образование, как и любые другие общественно значимые ресурсы, не делает человека, и тем более целую группу, ответственным. У нас в России как раз во время промышленной революции появилась и сильно развилась группа разночинцев. Они были довольно образованы, а впоследствии даже очень. Но ответственным классом в смысле, о котором я говорил, они не были ни в малейшей степени.

Я так понимаю, что у нас нет и не было никаких проблем с принятием того или иного решения. Причём независимо от того, где его принимали, у нас или за рубежом, властью или противниками её,— всё равно самое интересное начиналось потом:

а как это решение реализовать? Каков будет результат, и что потом делать с этим результатом?

Поэтому я к тому, что, мол, глобализация, мол, они за нас решают,— отношусь спокойно. Ну да, примут решение и решат. А дальше что будет? У нас-то когда и наше-то начальство решение принимает, то результат впечатляет. А эти...

А. Н. Привалов

Леонид Иосифович, нас, когда мы учили математику в школе, учили: когда ты доказал какую-то теорему, аккуратно проверь, не слишком ли много ты доказал. Вот у Вас сейчас очень характерный случай: у Вас под боком довольно большая европейская страна прекрасно управляется длинными вожжами — и никто ничего не замечает. Так что бывает. Я не скажу, что это надолго.

Л. И. Блехер

Ну, прекрасно управляется — это очень крепко сказано.

А. Н. Привалов

Ну, как умеют. Спасибо. Еще вопросы. Пожалуйста, Никита Иванович.

Н. И. Масленников

Скажите, пожалуйста, Леонид Иосифович, в Вашей логической конструкции с ответственным классом, если её немножко в наши времена опрокинуть, нынешняя силовая бюрократия — это что?

Л. И. Блехер

Я думаю, что в их силовых сердцах музыка ответственности звучит, так сказать, негромко. Они — как спинной мозг, который управляет движениями, но без той части головного мозга, которая ставит задачи, куда и зачем двигаться, то есть собственно государственные задачи.

Н. И. Масленников

Вы знаете, тогда у меня ещё один уточняющий вопрос. В Вашей логике петровских времен, попробуем пофантазировать, современная силовая демократия — это, как Вы говорите, вооружённые мещане типа стрельцов, или это потешные полки — Преображенский, Семёновский, из которых чего-то может потом вырасти?

Л. И. Блехер

Мне не кажется, что сравнение нынешних силовиков с любимыми внешне похожими (по наличию государственной, то есть легальной, силы) тогдашними группами может быть корректным хоть в малейшей степени. Причина в основном в том, что тогдашнее, хотя бы и петровское общество, было не то что пронизано, а просто пропитано

горизонтальными связями, да и о действующей в полной мере «родовой личности» (то есть ощущении своих предков и потомков с такой же ясностью и силой, как и самого себя) забывать нельзя. А мы, как сказал Александр Николаевич, все сами по себе. Индивидуальности, мнящие себя личностями. Какой уж тут Семёновский полк? Какие стрельцы?

А. Н. Привалов

Если позволите, Вам вопрос [Н. И. Масленникову]. Вот замечательная Ваша метафора насчёт арьергарда и основных войск, — я всё-таки пытаюсь вернуться к экспертному сообществу, к его роли в этом деле. Экспертное сообщество, которое работает и на арьергард и на основные войска — это одно и то же экспертное сообщество. Мы с вами их почти всех знаем в лицо.

Н. И. Масленников

Да, естественно.

А. Н. Привалов

Даже по именам, даже со многими на «ты».

Н. И. Масленников

На пальцах Ваших и моих рук всех посчитать можно.

А. Н. Привалов

Ну, их больше.

Н. И. Масленников

Ну, чуть-чуть. Ещё если взять Николаева — то точно всех.

А. Н. Привалов

Да, ну мы втроём точно всех пересчитаем. Так у меня тогда вот какой вопрос: если исходить из того, что Ваша метафора справедлива, — она мне не кажется справедливой, она мне кажется красивой, — но если исходить из неё, если экспертное сообщество её видит, почему оно не пытается воздействовать? Ведь это те же самые люди, которые ходят в ЦБ, которые ходят к Улюкаеву [Минэкономразвития], которые ходят к Силуанову [Министерство финансов]. Это всё одни и те же люди. Гранты выигрывают одни и те же люди. Исследования и рекомендации дают одни и те же люди. Как же так получается?

Н. И. Масленников

Знаете, у меня ответ достаточно скорбный. Тут ведь нет личной недобросовестности очень многих из тех, кого мы с Вами знаем. А вот как бы недотягивание

до понимания, как работает вся эта машинка в целом. Понимаете, можно прийти и отработать грант в Центральном банке, допустим, по трендовой инфляции, и потом всех путать, что это такое, до морковкина заговенья [до бесконечности]. Да, можно. Что-то где-то там уточняется, но как это всё относится, допустим, к бюджетному планированию — не моё дело, я не хочу об этом знать, мне это не заказали. А это, между прочим, связанные вещи.

Кстати, об ответственности профессионала,— у нас корень проблемы в том, что экспертное сообщество не занимается таким предметом, как экономическая политика в целом, тем, как она устроена.

Вопрос, почему это не получается? Ну, потому что, да, есть определённое государство. Мы все знаем, Кузьминов [НИУ ВШЭ], Мау [РАНХиГС] на бюджетном финансировании. Остальным достаточно сложно жить, в том числе и мне, например, за счёт только эндаумента, которым мы управляем, поэтому мы в курсе современных финансовых рынков, не более того.

Но есть ещё проблема: собственно, а кто хочет слушать эту независимую экспертизу в условиях, когда 60% ВВП приходится на госсектор? Кому это надо? Я пытался подумать исходя из международного опыта, как можно вообще организовать, институционализировать отношения государства и экспертного сообщества? Американский опыт не слишком подходит, потому что наши научно-исследовательские и университеты пока ещё не доросли до этого уровня. Британский опыт, скажем, тот же самый Economist Intelligence Unit — вы понимаете, это производное от журнала. Тоже выдающийся продукт, имеет мировое признание. Может быть, что-то похожее поискать в германском варианте?

Я помню, еще в конце 1960-х годов, когда у них начался первый такой системный кризис этой неолиберальной модели, были приняты разного рода серьёзные законодательные решения, появилось бюджетное трёхлетнее планирование и много чего другого. Но в рамках закона о стабилизации (он так назывался) был один пункт — о создании «совета мудрецов». Грубо говоря, ежегодно пять человек из экспертного сообщества обязаны городу и миру — не обязательно правительству, а просто государству, гражданам и, естественно, властям — выкладывать независимый доклад. Чрез год их само экспертное сообщество ротировует. Конечно, здесь есть свои плюсы и минусы. Но, по крайней мере, это законодательно защищенное право эксперта высказывать независимую точку зрения — уже хоть что-то.

В наших условиях, наверное, можно было бы этого добиваться какими-то скоординированными усилиями. Потому что иначе заказчик диктует музыку. В итоге эксперт, как человек, желающий элементарно выжить, очень часто вынужден идти на поводу у заказчика, не находя в себе мужества противостоять навязываемой точке зрения.

Мне думается, что ещё и само экспертное сообщество не дорабатывает. Потому что ему совершенно не интересно заниматься экономической политикой — не так,

как она устроена, а как, допустим, она должна быть устроена. Конструировать её с институциональной точки зрения как систему отношений по поводу того, как возникают, формируются, принимаются и потом исполняются решения, касающиеся наших с вами, между прочим, денег налогоплательщиков.

Один пример: строилась федеральная трасса Москва — Петербург, она и сейчас ещё строится. Там есть один участок протяжённостью 20 километров — провели государственную экспертизу, всё открыто, всё замечательно. Но всё-таки решили провести ещё и независимую экспертизу. Оказалось, что в Российской Федерации некому, согласилась «Делойт и Туш». Сделали — разница по результатам оценок составила 20 млрд. рублей. Это на 20 километрах! Замечательный результат, выдающийся. Ну, и об этом благополучно забыли. Посчитали и посчитали — спасибо. Деньги получили? Ну, идите.

Ответственность экспертного сообщества — это прежде всего демократия налогоплательщиков. Нам всем очень хочется быть санитарами: вот мы тут почистим чуть-чуть или укажем, где подтереть. Но рано или поздно эксперт обязан входить, встраиваться в политическую логику жизни. И вот сейчас, по-моему, такое время. Это тоже элемент ответственности, прежде всего личной, потому что не у каждого есть желание, умение, опыт, открытость и т.д.

А. Н. Привалов

Ну, не знаю, как раз из перечисляемых нами вот этих десяти–тридцати экспертов очень многие вполне встроены в политические системы. Как-то не помогает.

Н. И. Масленников

Вопрос не в десятках, вопрос в сотнях. Вот если сотни встроены, тогда да.

Ю. Д. Нечипоренко

Я хотел бы задать вопрос Леониду Иосифовичу. Есть такое исследование Юрия Милославского «Низший господствующий слой», возможно, Вы его знаете. Вы говорите об ответственном классе, а он — о безответственном, который, собственно, сдал всё в нашей стране. И такой вопрос, совершенно без ехидства: а вот эти благородные господа — гвардейцы, которые Петра III убили, задушили Павла I, — они тоже принадлежали к этому благороднейшему ответственному классу, и у них тоже в головах звучала «музыка сфер»? Вот просто мне это интересно. Или это акциденция какая-то?

Л. И. Блехер

Участники дворцовых переворотов в самом деле были ответственным классом. Скажем, воцарение Елизаветы воспринималось (и было) борьбой русской и немецкой партий, Пётр III заплатил головой за отказ от соблюдения русских интересов после истории с Семилетней войной, и т.д.



Ю.Д. Нечипоренко

Ю.Д. Нечипоренко

Ну, это одна из версий истории. Знаете, если бы он помирился с Наполеоном, всё могло бы быть совершенно по-другому. Я просто хочу сказать, что сейчас есть другая версия по поводу Павла I.

Л. И. Блехер

Я уже говорил, что ответственности в самом ответственном классе бывают разного типа: лично перед монархом, или перед тронном как верховной властью, или ответственность перед идеей государства, прогресса, всемирного православия или, наоборот, коммунизма. И когда такие вещи осознаются — сразу же возникают между этими видами ответственности противоречия и напряжения. Тут довольно хитрая механика, и в течение государственного существования и государственного управления такого типа в России всякое бывало. Об этом хорошо бы говорить поподробнее при случае.



М. И. Москвин-Тарханов

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу Вас, Михаил Иванович.

М. И. Москвин-Тарханов, советник мэра г. Москвы

У меня один маленький вопрос, просто частность. Вы сказали, что в XIX веке сменился ответственный класс. А фамилии-то почему те же самые остались — Витгенштейны, Орловы, Бенкендорфы, Киселёвы? Фамилии одни и те же, а класс сменился — как это бывает?

А. Н. Привалов

Вы же назвали все фамилии из первой половины века.

Л. И. Блехер

Изменение ответственного класса — это не значит, что из нового класса вычистили всех, принадлежащих к прежним группам, основывающим прежний



С. А. Экштут

ответственный класс. Это, скорее всего, значит, что принимаются установления (законы или практика), при которых людям из «новой группы» легче попасть туда, или на их происхождение просто перестают обращать внимание. Это моментально ловится привластными людьми. А по отношению к «старым» власть перестаёт миндальничать. Скажем, история с Государем Александром Павловичем и «некем взять»... Он кому это сказал? Он дворянам сказал, когда они попросили, чтобы он освободил крестьян. Глядя им в лицо, сказал: «Некем взять». Вот что такое смена класса. А Бенкендорф...

С. А. Экштут

Александр Христофорович Бенкендорф был после этой фразы и создал достаточно эффективно работающую организацию в составе всего из 31 человека, и тем не менее она имела информацию о всей России. Может быть, это была первая организация в России, которая занималась профессиональным изучением общественного мнения. И в этом смысле Александр Христофорович Бенкендорф был Вашим пращуром, Леонид



В.Л. Макаров

Иосифович, потому что он был первым русским социологом. Во всяком случае, скажем так, руководителем первой русской социологической службы.

А. Н. Привалов

И сколько он за это претерпел поношений?

С. А. Экштут

Претерпел, и совершенно несправедливо претерпел. Потому что у нас его представляли человеком, который борется с революционным движением, а это была одна десятая процента его деятельности, потому что он занимался совсем другими делами.

В.Л. Макаров, директор ЦЭМИ РАН, академик РАН

У меня вопрос к последнему докладчику насчёт ответственности. У Вас своё понимание ответственности, которое может отличаться от того, как понимают это другие. Ведь отдельный человек может, так сказать, принять жизненное решение стать более

ответственным — скажем, вступить в коммунистическую партию или стать масоном, или, я не знаю, вступить в орден тамплиеров, или в мафию, наконец. С этими институциональными образованиями тоже связана ответственность в собственном понимании. Это моё замечание.

А теперь вопрос. Есть такой, ну, не класс, но что-то похожее на класс — интеллигенция. Значит, мы понимаем, что такое интеллигенция. И очень часто на интеллигенцию «наезжают» — то она не то что безответственная, она как-то всегда против, она непатриотична, вообще какая-то нехорошая. Вопрос: всё-таки интеллигенция — это ответственный класс по Вашей терминологии или нет?

Л. И. Блехер

Спасибо, очень хороший и интересный вопрос. Русская интеллигенция с самого начала возникла как класс, ответственный не перед государственной властью, а перед идеей — идеей просвещения и улучшения жизни народа и перед самим народом. С властью у неё с самого начала отношения не складывались, это верно. И с какого-то момента для части интеллигенции задача «бодания с государством» (уже не по поводу просвещения и образования, а как бы сама по себе) стала чуть ли не основной.

Но, подчёркиваю, это был суперответственный класс, со всеми признаками идейной ответственности. И для нас, людей нефизического труда в нынешней России, они являлись и являются просто непревзойдёнными образцами отношения к стране и к людям.

Но парадоксальным образом именно эти положительные качества во многом и привели к взаимоуничтожению как российского государства, так и российской интеллигенции. Хотя и те и другие нам много чего завещали.

В. Л. Макаров

Понятно, спасибо. Но вот экспертное сообщество, о котором мы тут все волнуемся и пытаемся на него всячески наехать, — это, с Вашей точки зрения, ответственные люди?

Л. И. Блехер

Ну, вообще, я здесь в гостях.

А. Н. Привалов

Идеальный ответ! Время истекает, так что можно уже приступить к выступлениям. Прошу — Анатолий Григорьевич Вишневский.

А. Г. Вишневский, директор Института демографии НИУ ВШЭ

Мне хочется вернуться к обозначенной теме — «ответственность гуманитарной науки». Это всё-таки более узкая тема, чем вообще ответственность. У нас много ответственных, и за всё отвечают. Вот, например, недавно выступал патриарх, и он решил



А. Г. Вишневский

сказать, что он думает о «Черном квадрате» Малевича. Ну, наверно, он думал, что об этом раньше никто не говорил или что это актуальный вопрос, но как ответственный человек, он чувствовал, что должен об этом сказать.

Что касается ответственности гуманитарной науки. Мне представляется, что социальная реальность вообще, а современная особенно,— очень сложная вещь. И понимание социальной реальности и каких-то её глубинных мотивов, движущих сил и т.д. простому человеку недоступно само по себе. Для этого существует как раз гуманитарная наука, то есть люди, которые профессионально занимаются как раз изучением социальной реальности, разных её аспектов — и тех, что касаются банков и биржи, и тех, что касаются «Черного квадрата», и вообще всего того, что составляет нашу социальную жизнь. И даже люди, которые десятками лет этим занимаются, и может быть, даже успешно,— всё равно им, наверно, далеко до полного понимания этой реальности, которая тем более всё время меняется, никогда нет единодушия. Другими словами, есть проблема производства этого социального знания, которое очень важно для последующего восприятия всем обществом.

Но это только одна часть проблемы. Предположим, социальный учёный, представитель гуманитарной науки что-то знает и что-то понял или думает, что понял. Но ему нужен реципиент: его должны понять. Понимаете, если на него смотрят типа «а мы без тебя всё знаем», то никакого толка от его знаний, даже если он очень ответственно подошел к их освоению, производству не будет. Поэтому он должен быть встроен в какую-то систему отношений, которые позволяют эти знания реализовать и позволяют свою позицию отстаивать и перед обществом, и перед своими коллегами, потому что взгляды на одни и те же вопросы могут быть очень разноречивыми.

Я не принадлежу к тем, кто испытывает большую ностальгию по поводу советского времени, но в данном случае я хочу сказать, что у меня был довольно большой опыт работы в экспертизе Госплана СССР. И я должен сказать, что это была очень серьёзная экспертиза, которая, ну, не на 100%, но в значительной степени была вообще защищена от всякой идеологической шелухи, преобладавшей вообще в жизни. Там была установка: вас пригласили, и вы говорите то, что думаете. Что выйдет на поверхность и как будет доложено начальству,— это другой вопрос, но это должно быть обсуждено, и все доводы должны быть приведены. Всё-таки такой институт существовал, а сейчас такого института не существует. И мы всё время натываемся (я в своей области, но я знаю, как и коллеги в других) на то, что нет этого реципиента, потому что ты ему говоришь — а он просто не понимает.

Иногда, когда слушаешь некоторых наших чиновников, то возникает только один вопрос: он врёт или действительно так думает? И я не знаю, какой ответ лучше. Но мне кажется, лучше — врёт, потому что если он так думает, то это... А как раз часто всё-таки приходится склоняться к тому, что он так думает. Я слушаю, допустим, министра здравоохранения — это более или менее близко к тому, чем я занимаюсь,— и я вижу, что она не понимает. И более того, я знаю, что и её предшественники тоже каких-то вещей не понимали, они ориентированы только на то, чтобы начальство их любило, и больше ни на что. Поэтому им не нужны те знания, которые производят общественные науки. И то, что сейчас, например, произошло и происходит с Академией наук,— из того же разряда. Понятно, что и советское время не похвалишь особенно, но тем не менее всё-таки какие-то люди были, что-то такое академик мог сказать, к нему прислушивались. Сейчас академик вообще боится рот открыть. Извините меня, господин академик [В. Л. Макарову].

А. Н. Привалов

Всё-таки есть исключения.

А. Г. Вишневский

Ну, есть исключения. Но какие там стали появляться академики! Они не боятся открыть рот, но это уже тоже деградация академического корпуса.

Я думаю, что на всех нас лежит очень большая ответственность — на всех нас, кто и здесь, и вообще представляет общественные науки. И это не так просто — противостоять всякого рода давлению, в том числе и очень-очень сильно развивающимся всяким псевдонаучным взглядам. Сейчас большой спрос на псевдонауку. Не буду называть имён, но буквально в нашей области, например, есть такой человек, который выдаёт себя за учёного. В течение недели — а мы обычно обобщаем прессу — в одном издании он всех поучает, и тут же в другой газете пишут о том, как он включён в какую-то коррупционную схему. Это об одном человеке. В одной газете его цитируют, как мэтра, в другой объясняют, откуда он вообще взялся.

Сейчас всё время появляются какие-то бесконечные экспертные советы, неизвестно, из кого состоящие. Все депутаты произносят слова: «как утверждают эксперты», безымянные обычно. Понимаете, и сейчас это просто бедствие и для тех, кто продолжает заниматься всё-таки исследованиями, вообще каким-то поиском знаний в этих гуманитарных науках, и для тех, кто должен этот продукт получать, но он до него не доходит. Мне кажется, об этом нужно как-то сказать.

Я не знаю, можно ли изменить эту ситуацию. Но то, что нет серьёзного государственного института экспертизы, института не в смысле организации, а в смысле институции такой, — вот это вообще большая беда. Не говоря уже о том, что ещё надо, чтобы к нему прислушались. Но мне кажется, что такой институт не создаётся, чтобы он не мешал принимать произвольные решения. Потому что экспертов-то навалом. У Глеба Успенского есть такой рассказ: едут в какое-то пореформенное время два человека на пароходе, и один рассказывает всякие ужасы, а другой говорит: «Ну что же, неужели у нас в России нет честных людей?». Первый отвечает: «Честных людей много, да кто же их пустит?».

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Вы правы кругом насчёт того, что нужен реципиент. Есть чудесный анекдот, один мой покойный друг его по всякому поводу рассказывал, — что на каком-то там закрытом совещании в 1930-е годы Тухачевский, ещё не посаженный, докладывал о танковых клиньях, Будённый спросил его, а где тут роль конницы, на что тот сказал, что Вам, Семен Михайлович, не всё и объяснить можно. Я не отвлекаюсь на вопрос, кто был прав из военачальников, но это очень типичная ситуация.

Тем не менее мне-то кажется, что чрезвычайно интересен всё-таки второй вопрос — не о реципиенте, а об индукторе. Вот господин — товарищ всё-таки надо, наверное, говорить — Слуцкий покойный, когда в своём знаменитом стихотворении констатировал, что лирики в загоне, он счёл, что какая-то доля вины есть на самих лириках: «Значит, что-то не раскрыли // мы, что следовало нам бы! // Значит, слабые крылья — // наши сладенькие ямбы...» [«Физики и лирики»].

Может быть, чего-то не договаривает интеллектуальное сообщество, что могло бы сдвинуть дело. И потом я полностью присоединяюсь к тому, что Вы сказали, что надо



В. Л. Тамбовцев

организовывать вот такие институции. А чего же их никто не организует? Их же должны организовывать не реципиенты, а индукторы. А чего же они не склеиваются, индукторы? Ладно. Прошу прощения, я не должен был говорить монолог, извините.

Виталий Леонидович Тамбовцев — прошу.

В. Л. Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова

Хочу начать с маленькой иллюстрации к тому, что мой уважаемый сосед говорил. Я тут был на прошлой неделе в Питере на такой хорошей конференции — называется «Пятнадцатые Леонтьевские чтения», в честь Василия Леонтьева. И там рассказывали ситуацию, которая возникла во Владивостоке, когда обсуждалось, а что же делать с водоснабжением острова Русский. Власти созвали, соответственно, руководителей институтов и ректоров учебных заведений, которые по водопроводному делу, и начали с ними советоваться: что делать-то, то ли опреснитель ставить, то ли

водопровод тянуть? Что ответили ученые мужи? Заметьте, не гуманитарии, а технари в чистом виде. Они ответили: а как мы вам можем что-то посоветовать? Вы дайте техническое задание, в котором будет написано, что мы должны обосновать, и мы вам всё обоснуем.

А что, гуманитарные науки хуже, что ли? Они тоже требуют технического задания, а техническое задание никто не даёт, ну вот они и занимаются непонятно чем, вместо того чтобы изучать вышеупомянутую экономическую политику. Ну, это, естественно, шутка.

А я хочу другой момент прокомментировать — по поводу сильно огосударственной российской экономики. Это факт, конечно. Это давно оценивали. Вот под руководством Евгения Григорьевича Ясина лет десять, по-моему, назад книжка такая вышла, брошюра — «Бремя государства». Мы с Игорем Алексеевичем Николаевым принимали в этом участие, поэтому представляем себе, что с родным государством, с нашей экономикой и уровнем её огосударствления происходило, происходит и, скорее всего, будет происходить. Это одна сторона, один факт. Второй факт: что вот та самая экономическая часть правительства, которую многие по недоразумению называют либеральной, они-то ведь опираются, так сказать, на неоклассическую экономическую теорию и говорят о рынках. А я не понимаю, какой может быть рынок в экономике, где 60% — это государство. Ну, тогда можно было обсуждать и Советский Союз в терминах рынка — ведь колхозный рынок-то существовал, мы все это знаем, и Черемушкинский рынок был. Но почему-то люди, которые занимались советской экономикой, о рынках не говорили. А здесь говорят. Вот такая непонятная ситуация.

Вот это, мне кажется, как раз пример ответственности — в таком двойственном смысле — экономической науки. Я не очень отслеживаю прессу, но с людьми-то общаюсь, и никто мне не сказал: «А чего вы в рамках экономической теории обсуждаете российскую экономику? Вам надо вспоминать методические указания к составлению народнохозяйственного плана, — была такая толстая красная книга, — и на их базе с ней работать». Нет, не говорят. Получается очень забавная картинка: с одной стороны, вроде как это и не экономика в значительной своей части, а с другой стороны, экономическая теория превозносится, преподаётся везде и даже используется правительством. Очень странная картинка.

И последний момент, о котором я хотел бы сказать, — это, собственно, по нашей основной, общей теме — об ответственности. Я понимаю, что у социологов просто профессиональное представление об этом как о целостности над человеком. Я-то придерживаюсь ровно другой точки зрения. Я считаю, что ответственность возникает там и тогда, где есть некое нарушение, ну, нарушение правил, причинение ущерба, — вот там возникает ответственность. Больше 100 лет назад, в 1913 году, очень уважаемый на Западе юрист Уэсли Хофельд (по-немецки Хохфельд (Hohfeld), по-английски — вероятно, Хофельд) напечатал статью под скромным названием

«Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной практике»¹, в которой очень чётко всё расписал: что есть ответственность, что есть право, что есть обязанность, что есть привилегия. В общем, это вполне классическая статья, на неё больше двух тысяч ссылок. В родной стране её перевели, вероятно, к столетию выхода, в 2012 году², поэтому она практически неизвестна.

Так вот ответственность — она всегда ответственность за нарушение некоторого правила. Если нет правила или договорённости — откуда взяться ответственности? Понятно, что та ответственность, о которой вы говорите, — за страну, за позицию, за статус, за что-то ещё, — возможна только в том случае, если человек придумал себе то, что экономисты называют «имплицитный контракт». Как только человек придумал себе имплицитный контракт, что он делает нечто, а другая сторона — статус или страна — делает что-то ещё, — тут возникает ситуация для возникновения ответственности для нарушителя такой «договорённости». Но если контракта или правила нет, то нет ответственности.

В этой связи постановка об ответственности эксперта в действительности очень хорошо проанализирована несколько десятков лет назад в терминах такой области экономической науки, которая называется экономический анализ права — Law and Economics.

Из чего исходят аналитики? Они исходят из юридической теории, которая по-английски называется очень вкусно: Tort Law, то есть теории неумышленного причинения ущерба. Что же там говорится и доказывается, и практика это подтверждает? Если субъект А причинил ущерб субъекту Б, значит, он обязан компенсировать этот ущерб, плюс издержки на его обнаружение, оценку, разрешение конфликта. Это обеспечивает сдерживание будущих аналогичных причинений ущерба: если ты возмещаешь тот ущерб, который причинил, ты в другой раз сильно подумаешь, а надо ли делать это снова. При этом производитель того инструмента, с помощью которого причиняется ущерб, за этот ущерб не отвечает. Если эксперт даёт совет лицу, принимающему решение, а тот принимает решение, то ответственность эксперта — это ответственность производителя ножика, которым нехороший человек взял и ранил свою соседку или соседа. Вот та логика ответственности эксперта, которая вытекает из экономического анализа права.

Я начал с того, что я понимаю ответственность в экономико-правовых терминах, а не как-то ещё. Поэтому если кто-то даёт совет, но не принимает решение, то ответственность за решение была и остается на лице, принимающем решение (ЛПР). И по-другому быть не может. Вот мы говорили про судебную экспертизу, государственную

¹ Hohfeld, Wesley Newcomb. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning, 23 Yale Law Journal 16 (1913).— В.Т.

² Хофельд У. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной практике // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 3. С. 203–227.— В.Т.

экспертизу, что эксперты были ответственны, чего-то они там решали. Если именно эксперты принимали решение, например, строить что-то или не строить, то да, они ответственны за последствия, а если выносили суждение, свое профессиональное суждение, с которым ЛПР мог не согласиться, то никакой ответственности на эксперте нет и быть не может, кроме ответственности за корректность оценки или суждения.

Пример — судебная экспертиза. Что делает судебный эксперт? Он говорит, что вот, с моей точки зрения, с точки зрения науки, дело было так, так и так. Но дело судьи — принять это во внимание, не принять во внимание, сказать, что это вообще не про то. Я не говорю об их судебной системе, где везде присяжные, реальная составительность прокуроров и адвокатов и так далее. Я говорю о нашей российской системе правосудия, где судья может проявить усмотрение и легко не принять во внимание показания свидетеля, суждения эксперта и так далее.

Так причём же здесь ответственность эксперта? Ответственность всегда лежит на человеке, который или непосредственно причинил ущерб, или принял решение, реализовав которое, ущерб причинили зависимые от него, подчиняющиеся ему люди.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виталий Леонидович. Но я, собственно, начал свое вступительное слово с того, что настоятельно прошу слово «ответственность» не трактовать юридически, а трактовать исключительно внутренне. Человек, который изготовил ножик, не отвечает за то, что ножиком зарезали человека. Но человек, который изготовил ружье, и кто-то пошёл на медведя, а ружье не выстрелило, — может быть, не юридическую, но моральную ответственность несёт. Человек, который сказал глупость, которую потом повторяет вся страна, не несёт юридической ответственности вообще никогда, — моральную ответственность, на мой взгляд, несёт. Я бы говорил об этом. Прошу Вас.

В. Л. Тамбовцев

Я прошу прощения, я отвечу. Дело в том, что человек, который создал плохое ружье, как раз несёт полную юридическую ответственность.

А. Н. Привалов

Как раз я прошу не нести юридической ответственности, как бы не про это речь.

В. Л. Тамбовцев

Я же говорил о том, что у вас ответственность, которую вы называете внутренней, возникает там и тогда, где и когда вы заключили имплицитный контракт с кем-то.

А. Н. Привалов

Нет. Если я вот в этом уважаемом собрании сказал глупость, я буду внутренне очень даже ощущать ответственность. Хотя, уверяю вас, никакого имплицитного контракта у меня с вами нет.

В. Л. Тамбовцев

Это Вам так кажется. Он потому и имплицитный.

А. Н. Привалов

А ты, чёрт! Спасибо. Мы-то думали, что есть совесть, а есть имплицитный контракт. Прошу, Виктор Петрович!

В. П. Мазурик

Мы сегодня несколько раз отклонялись от проблемы ответственности гуманитарной науки на вопросы, связанные с компетенцией и ответственностью правящей элиты, которая обладает полномочием принятия решений и необходимыми для этого ресурсами, механизмами и т.д., а также с ответственностью функционеров, осуществляющих волю элиты.

Увлекательнейший рассказ Леонида Иосифовича, построенный на примерах из русской истории, почти визуально воспроизвёл передо мной очень схожие факты из истории японской. У японского боярства *кугэ* понятие ответственности было весьма сложным и расплывчатым, но всё предельно упростилось в период служилого военного дворянства — самураев. На категории долга (*гири*) построена вся их культура. При этом с повышением воинского ранга возрастала и степень ответственности вплоть до смертной казни через механизм добровольного самоустранения — *сэнпуку*, что разительно отличается от нравов наших властных структур.

Если же вернуться к проблеме ответственности науки вообще и гуманитарной в частности, как сферы, наиболее мне близкой и понятной, — похоже, в ней есть две серьёзные проблемы. Первая — персональная, это уровень профессионализма. И вторая, о которой уже в разных формах говорилось, но не мешает точнее это сформулировать, — это особая форма корпоративной ответственности коллег, ответственности, прежде всего, перед теми, кто компетентен в данной области.

Мы с вами живём в эпоху воинствующего дилетантизма, ибо информационная революция во многом разрушила прежние культурные иерархии, интернетный информационный коммунизм смазал границу между знанием профанным и профессиональным, а они существенно различны. Порой дилетант может превзойти профессионала эрудицией и талантом, но у него нет точного понимания границ своей компетенции и ответственности за экспертизу в этих границах. Чаще всего первым жюри, оценивающим качество его личной экспертизы, выступает сообщество коллег, а затем уже — страна, человечество и т.д. Это, конечно, не снимает ответственности перед своей совестью.

Не знаю, как обстоит дело в экономических науках, а для моих коллег филологов по-прежнему актуальны слова Сергея Петровича Капицы: «Самое интересное возникает тогда, когда мы не столько анализируем так называемые элементарные процессы, сколько способны к их синтезу».

Сегодня уже говорилось о параллельных вселенных, в которых пребывают властные структуры и экспертное сообщество. Мне же видится и более тяжелая проблема — атомизация этого самого экспертного сообщества, когда каждый сидит в персональной «одиночке» и дует в свою дуду, никого больше не слушая. А ведь если бы мы договорились между собой, то смогли бы предъявлять более серьёзные требования и к обществу, и к власти. Отчего же у нас это не получается? Ведь, как утверждает русская пословица, «Собором и чёрта поборем». Вот у крестьян была когда-то способность договариваться в своей общине, а мы эту способность почти совсем утратили. Особенно остра эта проблема для интеллигенции. А отсюда, по моему, возникают и многие другие беды.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу Вас, Игорь Алексеевич!

И. А. Николаев, директор Института стратегического анализа ФБК.

Я, наверное, продолжу те мысли, которые звучали и у господина Тамбовцева, и у господина Мазурика, — об ответственности экспертного сообщества.

Я глубоко убежден, что то, что касается экономики, естественно, зависит в первую очередь от экономических решений, которые определяются теми, кто и должен определять, — это политиками, людьми, принимающими решения. А вот как они принимают решения — то ли они настолько действительно компетентны в этом, то ли по интуиции, но они как-то должны принять решение. Что касается возможных решений, если говорить о сегодняшнем дне, то палитра таковых весьма пёстрая — от того, чтобы восстановить Госплан, до самых что ни на есть ультралиберальных вещей. Пожалуйста, господа, уполномоченные принимать решения, — выбирайте. Как вы выберете? Или у вас у самих ума хватит на это, или просто сможете интуитивно почувствовать, что вот в этом что-то есть. И политик принимает это решение, в конце концов, и он ответствен в первую очередь.

Теперь, что касается экспертов. Если решение принято, то тот, кто его обосновывал, предлагал, я считаю, тот всё-таки несёт ответственность. Те, чьё экономическое решение не принято, — естественно, не несут ответственности, потому что не их же решение принято. А вот что касается возможностей экспертов договориться — не верю в такую возможность. Не договорятся, уж слишком полярные мнения существуют в той же экономической науке. Если надеетесь, что придут к какому-то консенсусу, и вот же, вот одно-единственное правильное решение! — такого не было и не будет.

Всё равно придётся выбирать тому, кто облечён властью: вот пусть будет так, к примеру, отпускаем цены. Кто-то должен решить, и на них ответственность. На них, кстати, еще ответственность и потому, насколько эти идеи будут активно генерироваться, — то, чего сейчас нет. Знаете, ведь от политиков зависит, будет будоражиться

экспертное сообщество, мозги будут кипеть или никакого особого желания что-то генерировать не будет.

По сегодняшнему дню могу сказать, что в последние годы, в 2000-е годы, независимая аналитика в области экономики востребована не была. Не нужна она была, ну вот просто не нужна! И что, кто ответствен в этом? Естественно, власть. Естественно, политики. Естественно, принимающие решение. Именно они ответственны за то, что аналитика не востребована.

И, кстати, даже если сравнивать с поздними советскими временами — помните, Виталий Леонидович [Тамбовцев], конференции, экономический факультет МГУ: люди в проходах сидели, вообще на полу сидели на всех тогдашних экономических конференциях по совершенствованию хозяйственного механизма. Плановая экономика была уже на излёте — ведь как пытались экономисты предложить необходимые решения. Сейчас этого нет, потому что нет востребованности живой экономической мысли. Поэтому политики ответственны всегда.

Что касается экономистов, учёных, то здесь так: кто предлагал решение, которое в конце концов было востребовано, тот, конечно, несёт ответственность. Ну, а чьи решения не были востребованы, ответственности не несут.

Ещё может быть такая ситуация, что тоже бывает, я с этим сталкивался, — когда идею вроде бы берут. У меня у самого такое было. Монетизация льгот — помните такое, да? Мы об этом за год-полтора до того говорили, написали соответствующий аналитический доклад. И что? Воплощение было такое, что лучше бы не брались: идею опошлили, а толку никакого. Ну и кто здесь ответствен Мы ответственны, что ли, я ответствен за такую монетизацию льгот? Нет, ответственны люди, имевшие право принимать решения, включая далеко не лучшие соответствующие решения. В этом вообще, по-моему, и сомнений-то никаких не должно быть.

Что еще важно, на мой взгляд. Те, кто как минимум приближен к принимающим решения, по своему усмотрению распределяет экспертов: этот ответственный аналитик, а этот — безответственный. Я с этим тоже сталкивался. Могу привести конкретный пример. У нас не так много государственных радиостанций, но в моей практике был такой случай. Перед началом эфира собрались эксперты. Вдруг ведущую «на минутку» вызывают из студии. Возвращается — на ней лица нет. Просит меня выйти и объясняет: «Позвонило руководство и сказало, что безответственных аналитиков быть в эфире не должно».

Понимаете, они там решили, кто ответственный, кто безответственный! А мы говорим об ответственности. Самое интересное было, как я потом заглянул в студию и коллегам сказал: «Ребята, я пошёл, в общем», — никто ничего не понял. Как это, человек пришел на эфир — и вдруг уходит. Ну, я успокаивал ведущую, потому что она не знала, как ей вести передачу дальше.

Поэтому я вот готов принять ответственность. Но за те решения, которые мы обосновывали, и они воплощены, но оказывается, в общем, это не то, или

получилось всё совершенно не так. Если же делается совсем не то, что ты предлагаешь, то я, как представитель экономической науки, такую ответственность взять на себя не могу.

А. Н. Привалов

Ваша позиция ясна, сударь.

А. Г. Вишневский

Буквально реплика. Я просто хочу сказать, что политики, которые присутствуют в Вашем выступлении,— это политики, ну понятные нам политики, которые действуют в условиях отсутствия политической конкуренции. Если бы была политическая конкуренция, то был бы спрос на разные точки зрения, и это как раз было бы нормально.

И. А. Николаев

Можно буквально фразу просто в качестве демонстрации политики. Знаете, вот экономисты, ответственные экономисты...

А. Н. Привалов

Это кто?

И. А. Николаев

Ну, есть такие. Я сейчас не о себе. Значит, правильно говорили последние годы: один из недостатков нашей экономики — низкий уровень конкуренции. Отсюда, собственно говоря, и высокая инфляция, и проблемы с качеством. Конкурентная экономика, рыночная, конкурентная, с высоким уровнем конкуренции — это совершенно другого качества экономика.

А почему низкий уровень конкуренции? А возьмем законодательство о нарушении конкуренции. Есть статистика Федеральной антимонопольной службы: от 30 до 50% возбуждаемых дел — это дела в отношении органов власти, связанные с нарушением законодательства о госзакупках. Это официальная статистика. Тогда следующий вывод: раз у нас первый враг конкуренции — государство, власть! Ну так делайте выводы, политики, принимайте решение! И что отсюда получается — политические реформы нужны, конечно. А как еще изменить эту власть государства? Так что экономисты-то об этом говорят, а дальше всё вот...

А. Н. Привалов

Понятно. Хотя коллега совершенно правильно заметил: в 1990-е годы было полно политической конкуренции. Как работали экономисты? Ну, ладно.

Прошу — Сергей Николаевич Ениколопов.

С. Н. Ениколопов

Я постараюсь очень коротко. У меня некое ощущение, что мы начали реальность описывать каким-то странным способом. Мы начинаем спрашивать, есть ли ответственность у учёных. В данном случае всё-таки нужно понимать, что учёный занимается там своим делом, его ответственность — быть честным. Он может быть субъективным, каким угодно, и заниматься, вообще говоря, вещами, которые его интересуют.

А эксперт — это другая профессия. Экспертов берут из учёных, естественно. Но просто у меня есть опыт как индивидуального судебного эксперта, так и эксперта, участвовавшего в экспертизе государственных проектов — с Чернобылем и с Арменией. Так вот из учёной среды вырабатываются эксперты, которые должны иметь ещё несколько качеств.

Эксперт, во-первых, не должен быть упёртым в своём субъективном мнении, а всё-таки стараться быть объективным. Эксперт не может быть болельщиком. Мне могут очень нравиться люди, совершившие какое-то преступление, но в экспертизе я не могу освободить его только потому, что он мне нравится. Так же как человек, который мне не нравится, — я должен делать честную экспертизу. То же самое с социальными явлениями. Нельзя писать экспертизы, когда ты являешься каким-то болельщиком. Я много читал таких государственных экспертиз (там, какая республика будет жить лучше при капитализме и пр.), где человек сам приводит в научной части то, что будет плохо, но потом пишет, что всё будет хорошо.

Третье — это заказчик. Вот с заказчиком (заказчик, преемник и пр.) дело обстоит плохо, его нужно воспитывать, потому что это вообще отдельная проблема. Я приведу один пример для того, чтобы, так сказать, перенести мостик сюда. Получилось так, что из-за этих двух катастроф, в Чернобыле и в Армении, я был вызван в отдел науки ЦК несколько раз. Перед этим был человек, который там давно сидит, задавал мне вопросы, из чего я отлично понимал, что вот я эксперт, а он, принимающий, задаёт вопросы для понимания, для каких-то дальнейших ходов. Потом я выяснил, что он доктор наук. Но в разговоре у нас не было такого, что он — доктор, а я — учёный.

Где-то уже в 1990-м году я прихожу — сидит молодой человек, мы с ним вообще говорим на одном языке, и он всё время повторяет: «Ну, мы с вами два учёных». Но если мы с вами два учёных, то зачем меня звать? Вот мой внутренний голос выступал всё время против него, потому что, ну чего ты несёшь, если ты не знаешь! Ты меня пригласил как эксперта.

У меня такое впечатление, что мы сейчас очень часто сталкиваемся с проблемой, когда заказчик нас не слушает, сам принимает какие-то решения и пр. Потому что среди заказчиков огромное количество людей, которые вышли из науки и думают, что они могут похлопать эксперта по плечу.

Я тут недавно прочёл исследование каких-то академических учёных о том, что когда они стали смотреть на «Антиплагиат.ру» кандидатские диссертации, то выяснилось, что больше всего таких диссертаций у депутатов Госдумы и губернаторов, а в РАН их нет.

Вот вы же понимаете, что не РАН является заказчиком экспертизы, а тот, кто тоже стал кандидатом и доктором наук и беседует с экспертом на какую-то тему.

Такое ощущение, что у нас не готовят экспертов. Ну, во всяком случае, прежде чем я стал судебным психологом, экспертом, то, вообще-то, меня готовили. Это отдельная профессия — быть экспертом. А кроме того, есть ещё одна вещь — вот то, о чём говорили по поводу экономистов и экономической политики. Проблема в том, что эксперт действительно специалист в узкой области. Когда экономическая политика его просит выйти немножечко за пределы своей компетенции, единственное, что можно делать — делать экспертизы комплексными. И, кстати, экономические решения, которые я чувствую на своей шкуре, а не на научной, заключаются для меня в том, что у меня есть ощущение, что никто не спрашивал ни социологов, ни психологов о возможных последствиях.

Можно абсолютно наплевать на социальную сферу, просто наплевать. Но вы уверены, что у вас не будет бунта? Вот один раз монетизировали льготы пенсионеров, — дороги стали перекрывать. Значит, проверять должны были уже вот эту вещь — негативные последствия их реформы или экспертного решения. Надо проверять, приглашать других экспертов.

Последняя, видимо, экспертиза в Советском Союзе — это экспертиза большого государственного проекта по поводу трех республик после Чернобыля — России, Белоруссии и Украины. Она долго длилась и была первая, куда пригласили психологов и социологов. Это была экспертиза, где мы заседали отдельно группами и очень часто вместе, то есть я слушал, что говорят биологи, когда там что восстановится, они слушали, какие возражения у психологов, или наоборот. Мы с социологами обсуждали проблемы рисков при принятии решения, вплоть до операторов.

К сожалению, это всё ушло. Но вопрос, как вообще строить экспертизы, и какая ответственность должна быть, — существует. Недавно я читал одно исследование про экспертов о том, что публичные эксперты подвержены очень сильному искушению: они почти все алармисты, потому что тебя запомнят, если ты напугаешь. А если ты скажешь, что всё хорошо или не надо ничего трогать, само пройдет, — ну кто на тебя обратит внимание! И ты не получишь ни гранта, ни поддержки, ни социального признания.

А. Н. Привалов

Спасибо. С особым удовольствием предоставляю слово Ирина Александровне Антоновой, президенту Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Прошу Вас, Ирина Александровна!

И. А. Антонова

Я не знаю даже, как вписаться в состоявшийся разговор, потому что он всё-таки в основном был посвящен проблемам экономики, отчасти — политики. И немного,



И. А. Антонова

так сказать, затронули основную тему, которая была объявлена вначале, — положение дел в гуманитарной области. Я бы хотела сказать о том, что касается этого раздела, о котором могу говорить с большей уверенностью, чем по каким-то другим вопросам.

В гуманитарной области, особенно в последние годы царит полная безответственность во всём. В какой-то мере, как ни странно, это всё-таки результат безусловных данных свобод, что само по себе хорошо, — кто же против? Можно писать всё что угодно, можно создавать любые спектакли. Я много бываю в театре, много слушаю музыки, много хожу по выставкам и постоянно сталкиваюсь вот с этой полной безответственностью прежде всего по отношению к зрителю. Это не исключает того, что появляются интересные создания во всех тех областях искусства, о которых я говорила. Вместе с тем эта безответственность, ну как бы вам сказать, она не то что безнаказанна, то есть ненаказуема, но она может привести к очень печальным результатам, которые мы, в общем-то, и видим в состоянии целого ряда отраслей — и в нашей области, и в литературе, и везде.

Но всё-таки сегодня разговор начался с очень важных для жизни страны проблем в области экономики. Мне представляется, что огромная ответственность, конечно, лежит на тех людях, учёных прежде всего, которые предлагают какие-то проекты выхода из критических состояний, они уверены в своей правоте. Но дело в том, что они не доводят своего дела до конца, они доходят до определённого предела, после чего останавливаются, и дальше не пойдут. По многим причинам, главная из которых — страх. Страх за себя, вероятность что-то потерять, быть неудобным, не понравиться и т.д.

Это где-то и наследие многих-многих десятилетий, когда страна жила, в общем, в состоянии страха. Все свободы, которые нас коснулись, они почему-то совсем не коснулись этого такого напряженного психологического состояния — пойти до конца, отстаивать свою мысль, привлекать людей, писать, выступать, — этого мы не наблюдаем нигде, понимаете. И я ни разу не читала, — я внимательный читатель разной прессы, ежедневной, как говорится, — я нигде не видела таких, вынесенных и на общественное обсуждение проблем, и на какой-то отклик людей, даже не полностью причастных к этой тематике.

Здесь выступали, говорили о том, как можно всё сделать. Но вот интересно, где же это застревают, на каком уровне? До какого предела доходят те, кто предлагает свои, ну, наверное, правильные и очень важные разработки? Правильно прозвучала мысль о моральной ответственности, в том числе учёных, за ту настойчивость и за тот, в данном случае такой душевный, психологический — какой хотите — вклад, который они делают в утверждение своих идей.

Надо сказать, что у нас это вообще практически почти не встречалось. Вспомните разные эпизоды. В 1948 году Сталин издаёт свой, в общем, достаточно преступный указ о ликвидации Музея нового западного искусства. Это был ужасный документ, он так и начинался: «ликвидировать...». Не закрыть там как-то, а ликвидировать музей. Если бы кто-нибудь захотел понять это впрямую, он бы мог решить, что надо немедленно бежать и сжигать все эти картины — всех Клодов Моне, Ренуаров и прочих Пикассо и Матиссов. Слава Богу, так не поняли. Но разбили, кстати, частные чудные коллекции двух московских купцов, Морозова и Щукина, на две части: одну бросили в один музей — в Эрмитаж, другую оставили у нас без права показа. Потом постепенно это дело пришло, так сказать, к другому уже концу.

И вот сейчас — вы просто про это прочтёте все — в октябре в Париже откроется колоссальная выставка Щукина Сергея Ивановича, где французов будут потрясать деяниями русского купца, который раньше них стал коллекционировать импрессионистов. Лувр отказался покупать многие вещи, то есть вообще отказался покупать импрессионистов. Вот почему-то два русских купца с конца XIX и до 1914 года, до начала Первой мировой войны, пока могли это делать, приобрели фантастические коллекции. Такого музея не было в Москве. Кстати, Щукин написал о том, что он сначала предназначал его Москве.

Музей был уничтожен, и я думаю, что попытка его воссоединения снова в Москве — проект без срока давности. Я имела смелость выступить перед Владимиром Владимировичем на соответствующем совещании с интеллигенцией, поставить этот вопрос, но его потом мои же коллеги (я имею в виду не наш музей), так сказать, дружно провалили. Владимир Владимирович после моего выступления сказал: «Действительно, а почему нет? Надо это было бы сделать». А потом всё пошло другим путём.

В разделе коллекции музея, кстати, участвовали два очень крупных ученых — академик Орбели Иосиф Абгарович, он был директором Эрмитажа, и директор нашего музея, прекрасный скульптор, Меркуров Сергей Дмитриевич. В силу своего просто даже национального происхождения они были в добрых отношениях с Иосифом Виссарионовичем, им ничего не стоило ему сказать, имея в виду их статус, что этого не надо делать, что это просто преступление перед культурой. Но они этого не сделали. Вот поэтому я хочу сказать, мне кажется, что не изжит страх — страх перед настойчивостью, перед возможностью отстаивать свою точку зрения.

Этот страх мне за свою долгую жизнь в музее многократно приходилось наблюдать. Мне приходилось, например, наблюдать, как Екатерина Алексеевна Фурцева во главе с комиссией по культуре, которая просматривала все спектакли, все театральные постановки, в том числе выставки, пришла на открытие до начала выставки Фернана Леже: разрешить её или не разрешить. Не забывайте, что это был 1963 год, «тигровый прыжок» Хрущёва в Манеже, так сказать, всё это живое. Достаточно сказать, что начальник управления в то время, увидев, как Фурцева идёт по лестнице, от ужаса присел на корточки — у нас там такая балюстрада, — чтобы его только не видели, он к этому непричастен.

Екатерина Алексеевна всё обошла, — она очень дружила с нашей соотечественницей Надеждой Петровной Леже, которая стала супругой этого замечательного художника, — ей выставка очень понравилась. Надо сказать, что она делала много полезного. Она не была человеком культуры так, впрямую, но ей хотелось делать, она была работником таким. И, в общем, ей всё понравилось. Но, как это ни смешно, я это говорю без какой-то насмешки, просто как показание уровня всё-таки тех людей, которые отвечают за культуру. Больше всего ей понравился огромный портрет самого Леже, но это не была его работа, это была фотография. Вот об этой работе она сказала: «Это замечательно, вот это мне очень нравится. Там были абстрактные вещи и т.д., ну, ничего страшного в этом нет».

Я видела жуткий страх, который объял членов Политбюро, когда они водили Леонида Ильича Брежнева, то есть водила его я, они шли за нами, и показывала выставку «Москва — Париж» — вы помните, была такая потрясающая выставка. Кстати, в 1981 году совсем непросто было её сделать. Директор Третьяковки, когда ему предложили эту выставку (потому что половина советских произведений была из коллекций Третьяковки), он сказал: «Через мой труп», — он эту выставку не брал. Отказалась

Академия художеств. Ну, а поскольку у нас репутация была испорчена тем, что мы делали много зарубежных выставок, мы её взяли, так сказать, без всякого труда.

И вот я водила Леонида Ильича по выставке. Они просто тряслись от ужаса в буквальном смысле слова. Больше того, они подбегали ко мне и шептали: «Вы этого Кандинского не показывайте!». А как его не показывать, там целая стена, мы прямо на неё идём. Ну что, я закрою ему глаза и не буду показывать? Вот он всё посмотрел — и Филонова, и Кандинского, и «Черный квадрат» Малевича. Потом пришёл в главный зал, увидел здесь несколько вещей, они были посвящены революции. Кстати, очень хорошо сделанный зал с башней Татлина и т.д. Ему очень всё понравилось, он узнал портрет Ленина работы Герасимова, который был взят из Кремля, написал великолепный отзыв. Всё кончилось хорошо. Но вот этот ужас, этот страх — я просто его видела воочию.

К сожалению, при всей свободе, которая наступила сейчас, этот страх остался. И как ни странно, но это одна из очень важных причин, очень глубинных, не изживаемых так просто, — вот этот страх отстаивать и идти до конца.

Я представляю себе некоторых людей, которые на это решались, в том числе Петр Леонидович Капица, как мы знаем. Это вот то, наверное, к чему надо стремиться. Короче говоря, это действительно моральная, нравственная ответственность. Может быть, и над этим надо задуматься, когда мы обсуждаем эти важные вопросы. Спасибо.

Аплодисменты.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Ирина Александровна. Семён Аркадьевич, прошу Вас.

С. А. Экштут

Где-то в 60-х годах XVIII века Екатерина Великая пригласила в Россию Дени Дидро, собираясь воспользоваться его экспертными советами. Злые языки утверждали, что секретарь Дидро составил приличное состояние, потому что от всех, кто желал войти в грядущий кабинет министров, он получал очень солидные подарки. Дидро сочинял проекты, Екатерина их читала и потом ему написала короткую записку, которая звучала примерно так: господин Дидро, Вы пишете на бумаге, которая гладкая, а я имею дело с людьми, которые буруеваемы страстями и недостатками, поэтому позвольте мне управлять моей державой так, как я делала это раньше. Ну, впрочем, щедро его наградила и отправила назад.

И другая сцена, из романа Толстого «Война и мир», когда граф Аракчеев — такой классический управленец, заслуги которого до сих пор не оценены, — сказал князю Андрею, сочинившему очередной проект: «Я против, потому что Вы сочинили новый закон. Старые законы исполнять некому».

Ну, а теперь я, с вашего позволения, перейду к тому, о чём только что говорила Ирина Александровна Антонова. Неделю назад в Историческом музее открылась прекрасная выставка Александра Михайловича Герасимова. Он сделал всё, чтобы был ликвидирован Музей современного западного искусства, и поэтому я понимаю, что моё некоторое восхищение открывшейся выставкой, вероятно, не найдёт понимания. Но я вот побывал на этой выставке — выставка великолепная. И вот здесь возникает проблема ответственности и искусствоведов, и историков, потому что это фигура человека противоречивого, которого называли Веласкесом Сталина, до сих пор как-то выпала из культурного контекста.

Но я хочу сказать о сугубо частном случае. На этой выставке есть огромное полотно «Гимн Октябрю». Картина где-то вот с эту стену примерно, хранится в запасниках Государственного Русского музея и, насколько я понимаю, с 1949 года не выставлялась ни разу, что понятно: на этой картине изображено событие, которого не было. Это картина — миф, она посвящена торжественному заседанию, посвященному 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Это заседание должно было состояться 6 ноября 1942 года в Большом театре. Но заседание, естественно, не состоялось из-за войны, тем не менее Герасимов написал колоссальное полотно, на котором было 200 человек — представителей, можно сказать, правящего класса, можно сказать, ответственного класса, можно сказать, представителей советской знати. Короче говоря, там были от маршалов, которые в тот момент уцелели, до будущих маршалов, потому что там есть будущий маршал Воронов, будущий маршал Новиков, там есть будущий маршал Василевский. И там есть молодой Шостакович, там есть Немирович-Данченко, там есть, естественно, и сам Герасимов в ложе на первом плане.

Так вот что меня поразило: ни устроители выставки — искусствоведы, ни историки, которые так или иначе эту выставку курировали, не постарались идентифицировать эти персонажи. Казалось бы, никакой ответственности они за это не подлежали. А здесь 200 человек, которые узнаваемые. Ну, я сделал из этого сугубо практический вывод. Я не стал ни на кого перелagать ответственность, я просто сел за лист бумаги и стал определять этих людей, надеясь завершить эту работу в течение недели.

Закончу я на такой ноте: как сказал бы Сократ, ответственность — это сложно, и каждый решает для себя.

А. Н. Привалов

Большое спасибо. Прошу Вас, Ирина Александровна.

И. А. Антонова

Только одну маленькую реплику. На телевидении есть такая передача — «Гении и злодеи». Так вот Герасимов Александр — очень сильный художник. Особенно целый

ряд его ранних вещей, не связанных с патетической тематикой. Он очень хороший художник. Это не мешает тому, что он сделал, — нанёс много вреда самой линии развития нашего отечественного искусства.

А. Н. Привалов

Прошу Вас, Александр Владимирович.

А. В. Голубев, *руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН*

Я хочу начать с классической фразы: к науке, которую я в данный момент представляю, всё, о чём сегодня говорилось, не имеет никакого отношения.

Дело в том, что, как справедливо заметил Анатолий Григорьевич Вишневский, мы живём в постоянно меняющейся социальной реальности. Но вот историческая наука, которая существует в этой же реальности, одновременно имеет дело с социальной реальностью, которая уже не изменится никогда; другое дело, что постоянно меняется наше представление о ней. И поэтому экспертные возможности исторической науки довольно ограничены.

Иногда от истории требуют, чтобы она предсказывала будущее. Это требование профанное, не профессиональное. История не предсказывает будущее, предсказывает будущее футурология. Я вообще не уверен, что есть такая наука, но вот термин такой, несомненно, есть. История может действовать только методом исторических аналогий, а это метод очень опасный, очень сложный. Потому что в любой исторической ситуации, как бы она внешне ни была схожа, например, с иными, современными обстоятельствами, действует огромное количество факторов, которые историк либо не заметил, либо не мог заметить за давностью лет, либо не придал значения. И эти неучтенные факторы внешне похожую ситуацию на самом деле могут сделать если не прямо противоположной, то весьма отличной. Повторяю, это очень опасный метод. Тем не менее определённые возможности у истории в этом смысле есть. И тут я хочу привести один пример.

В конце 1970-х все академические институты, в той или иной степени связанные с современной ситуацией, с историей, культурой и т.д. Востока, получили запрос относительно перспектив и возможностей нашей политики в Афганистане: стоит ли туда вмешиваться и до какой степени? Все академические институты в один голос не сговариваясь ответили, что в Афганистан влезать ни в коем случае нельзя. Весь исторический опыт, социальный, экономический, культурный говорит за то, что в этой стране ни о каком социализме речь идти не может, и любое иностранное вмешательство вызовет ожесточённое сопротивление. Единственный институт, поддержавший ввод войск, был Институт США и Канады. Но только его мнение и было принято в расчёт. То есть проблема-то не только в самой науке, но и в её возможностях повлиять на принятие решений. Сегодня об этом много говорилось.



А. В. Голубев

И в конце мне бы хотелось возразить Виктору Петровичу Мазурику. Я не уверен, что главная ответственность эксперта — перед экспертным сообществом. Это вообще довольно сложное и очень расплывчатое, я бы сказал, понятие — корпоративная ответственность. Кто входит в эту корпорацию, и как я вообще себе представляю эту ответственность перед часто неизвестными мне людьми? На мой взгляд, всё-таки главная ответственность эксперта — это внутренняя ответственность перед собой. Он может ошибаться, но это должна быть честная ошибка. Он учёл всё что мог, в силу своих, может быть, слабых интеллектуальных способностей. Он дал некий вариант решения не потому, что кто-то этот вариант хотел, и не потому, что этот вариант выгоден лично ему, а потому, что он ему показался наиболее верным.

В. П. Мазурик

Совесь никто не отменял. Но, вы знаете, я имел в виду последовательность, честную последовательность, открытость к честной дискуссии и принципиальное отстаивание позиции.

А. Н. Привалов

И последний у нас выступающий сегодня — Михаил Иванович Москвин-Тарханов, советник-наставник мэра Москвы. Прошу Вас.

М. И. Москвин-Тарханов

Уважаемые коллеги, хочу сказать, мне приходилось заниматься стратегией развития Москвы. Это означает что? Означает, что я приглашал экспертов, — они толпой передо мной сидят. Я спрашиваю геолога: «Что у нас с геологией?», и он подробно мне рассказывает, где у нас какие рифты, где какие воды, каким образом можно строить, какие у нас экологические факторы действуют. Я спрашиваю юриста — он мне даёт справку по законодательству. Я спрашиваю архитектора — он мне рассказывает свою, энергетик — свою, и пр.

И вот появляется экономист. Что я слышу? Уму непостижимо, что. Вот такое впечатление... вы знаете, есть одесский анекдот. Мальчик спрашивает: «Карл Маркс, он кто был?». Ему отвечают: «Карл Маркс был экономист». — «Как наша тетя Роза?» — «Нет, наша тетя Роза — старший экономист». Вот мне тетю Розу очень хочется найти, которая мне подскажет, будет ли экономически выгодным осваивать вот эту территорию, какие будут доходы, какой у неё инвестиционный потенциал.

У меня складывается такое впечатление, что с экономической наукой иметь дело очень сложно, — вас сразу выводят в эмпирию, рассказывают про что-то институциональное. И какой-то зовущий взгляд: институции без денег не бывает, им нужен грант. И они мне представляют вот такой документ, который я уважительно похлопаю и поставлю на полку. Это, на самом деле, тяжёлая ситуация. И я думаю, что экономическое сообщество может взять пример, скажем, с геолога: геолог говорит по существу и даёт отличные предсказания. Экономист как-то не может выступить так же. Понятно, он ответственный человек, он отвечает перед своим коллективом, не имеющим работы, за своё здание, за свою семью, он за многое отвечает, ему очень нужен заказ. Но мне его работа не нужна.

А. Н. Привалов

Спасибо. Всегда приятно слышать, когда поносят экономическую науку — с особой радостью чувствуешь себя кандидатом экономических наук.

И. А. Николаев

И ответственным себя чувствуешь.

А. Н. Привалов

Абсолютно, абсолютно! Все такие — так чего же мне-то!? Значит, господа оставшиеся докладчики, — первый нас покинул, второй и третий у нас присутствуют, — вы хотели бы сделать какие-то замечания в итоге?

Н. И. Масленников

Честно говоря, нет, потому что, в общем-то, мы друг друга, я надеюсь, поняли. Единственное, что могу сказать, что, по-моему, с точки зрения позиций эксперта ли, аналитика ли важны две вещи. Во-первых, очень честно заниматься своим делом, и если ты можешь ошибиться — коллеги могут поправить, но если ты уверен, ты должен высказываться и донести это городу и миру — дальше уж кто это поймает. И второе — извините, ничего нового не скажу — делай, что должен, а дальше будь, что будет.

А. Н. Привалов

Леонид Иосифович?

Л. И. Блехер

Я вот слушаю об ответственности, сам себя слушал и всех слушал, и думаю: ответственность за что — я как-то понимаю, а вот когда сейчас говорят: ответственность перед чем, перед кем — я не знаю ответа на этот вопрос. Про прежние ответственные классы, про ответственных людей я понимаю, а про нынешние — просто не понимаю.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ну, вот она, беда распространившегося секуляризма. Значит, если позволите, я скажу несколько слов, как мне положено, как ведущему, а потом предоставлю слово Наталии Михайловне [Румянцевой] для разговора о Сергее Петровиче.

А я скажу буквально несколько слов, потому что на самом деле сказано много. И я бы хотел всё-таки отчасти оправдаться за ту формулировку, которую я с самого начала отстаивал, которая не нашла особенных приверженцев в ходе обсуждения, а я всё-таки имел в виду вполне конкретную вещь.

Вот справедливо было сказано, что ино дело — академический ученый, ино дело — эксперт, и разные у них задачи, и разные у них соображения. Всё правильно. Но эксперт выходит на решение своей узкопоставленной конкретной задачи, вооружённый спектром, который ему дала родная наука. Ответственность за этот спектр, за явную ущербность этого спектра ощущает гуманитарная наука? Гуманитарная наука в России провалилась вся, в середине 1980-х она провалилась вся по всем линиям. Кто-нибудь по этому поводу ощущает неудобство? Сейчас она продолжает проваливаться гораздо глубже по многим направлениям. Кого-нибудь это тревожит, помимо частных перспектив? Вот о чём я хотел бы, не настаивал, но предлагал поговорить.

А кроме того, мне чрезвычайно важным кажется то, о чём, в частности, говорила Ирина Александровна и говорили после неё тоже. Дело вот в чём. Дело в том, что, конечно, всякий учёный, если он сознательный, сознательно присутствует в своём куске человечества, в своём обществе, в своей стране, — конечно, он ощущает некую долю ответственности за что-то там. Дальше вопрос частный — как она у него варьируется.

Но эта ответственность у представителей естественных наук или тем более математики в нашей стране, оказывается, гораздо легче выносима по очень простой причине.

Вот тут вспоминали реформу РАН, сказали, что академики все молчат. Я сказал: «Не все молчат». Действительно, не все молчат. А среди тех, кто не молчит, кого больше? Да математиков и физиков. А почему их больше? А потому что они конвертируемые, потому что ты его за хобот взять не можешь. Не понравился ты ему — он от тебя ушел: он математик, он и в Кембридже математик, он физик, он и в Оксфорде физик. Наши представители гуманитарных наук — не потому, что они все плохо говорят по-английски, некоторые даже хорошо, а потому, что они изучают здешние гуманитарные науки, которые на всей земле никому, кроме нас, в сущности, не нужны, поэтому они гораздо более привязаны, гораздо более связаны. Лучше сказать — им страшнее.

Я никого не осуждаю, я просто констатирую, что, по-видимому, отчасти ответственность упирается и в эти соображения, что чрезвычайно грустно. А вообще, как справедливо было сказано, всё будет хорошо. И сейчас мы посмотрим кино.

Н. М. Румянцева

Мария Сергеевна Капица, дочь Сергея Петровича, хочет сказать несколько слов.

М. А. Капица, доцент психологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Я хочу обратиться ко всем присутствующим. Мне и всей нашей семье очень приятно, что память о Сергее Петровиче собрала здесь много замечательных, заинтересованных, волнующихся — друзей, коллег, специалистов, не знаю, как всех обозначить. К нам даже приехала делегация из Петербурга: Татьяна Владимировна Черниговская героически приехала на несколько часов, чтобы вместе с нами провести этот вечер. Так что спасибо всем большое!

Н. М. Румянцева

Традиция отмечать дни рождения Сергея Петровича в клубе возникла не сразу.

Конечно, мы поздравляли своего президента, но камерно, без публичного посвящения заседаний «в честь...». Первый раз это произошло, когда Сергею Петровичу исполнилось 75, в 2003 году. Надо сказать, тогда и в дальнейшем, какой бы ни предполагалась неофициальная часть заседаний — более праздничной (75 лет, 80 лет) или менее торжественной (некруглые даты), — но «первым делом самолёты», этому всегда предшествовал разговор на тему о серьёзном.

У Сергея Петровича было несколько тем-рефренов, таких как образование, наука, мировоззрение, общественное сознание, — о чём он говорил с нарастающей тревогой. С тревогой об ответственности, вернее, об её отсутствии в происходящем и за происходящее в стране.

«У нас с демократией получилось так, — говорил Сергей Петрович, — что чувство ответственности тех, кто её осуществляет, не соответствовало уровню

поставленных перед обществом задач. Когда я произносил слово “ответственность” на Академии телевидения, это вызывало реакцию, похожую на реакцию Геббельса при упоминании слова “культура”: было такое ощущение, что в меня готовы выстрелить... Сегодня такое ощущение, что всё пущено на самотёк. Мы не имеем даже виртуального представления о своём будущем. Нельзя рассчитывать на самоорганизацию, это займёт много времени, которым мы не располагаем... Противоречие между словом и делом, с моей точки зрения, является главной проблемой».

(«Самоидентификация российской элиты». Заседание Никитского клуба, 27 мая 2005 г.)

Без Сергея Петровича день его рождения стал для нас ещё и поводом вспомнить о нём, собравшись вместе. Сейчас мы покажем фильм, не фильм — слайды с фотографиями Сергея Петровича из архива Никитского клуба.

Фильм закончился. Аплодисменты.



ПРИЛОЖЕНИЕ

С. В. Егеров, начальник отделения *Акустического института им. Н. Н. Андреева*.

ЭКСПЕРТИЗА МЕЖДУ КЕЛЕЙНОСТЬЮ И КРАУДСОРСИНГОМ

Науковедам известно: на протяжении последних 15 лет число исследователей в российской науке³ примерно равно числу занятых в системе жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации⁴. Помимо схожей численности, эти две категории занятых объединяет, в частности, то, что общество недовольно результатами работы и тех и других. И это — несмотря на то, что расходы и на науку, и на ЖКХ растут из года в год.

Общество прочно зачислило учёных в число двоечников-неудачников. Как тут не вспомнить «Путешествия Гулливера» и учёных с острова Лапута. Облачённые в нелепые одеяния, они прогуливались, погружённые в заумные размышления, не соответствующие практическим потребностям общества. За безопасность учёного отвечал слуга, направлявший его движение ударами специального приспособления.

Триста лет прошло со времени создания этой обидной сатиры, но обществу по-прежнему уютно видеть учёных именно такими.

Учёные на летающем острове Лапута.

Иллюстрация Жана Гранвиля к третьему тому «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта.

В феврале мы отмечаем важные события: День российской науки (8 февраля) и День рождения С. П. Капицы (14 февраля). Поэтому разговор об ответственности учёных, в частности экспертов, проходит как раз вовремя и как нельзя кстати. Причём не факт, что так уж важно в контексте данного обсуждения отделять гуманитарные знания от естественно-научных в силу существенного взаимного проникновения дисциплин и методов.

Этот разговор очень важен, потому что ответственность науки, ответственность учёного является фундаментальным разделом учения о научной этике, — основы его заложены Робертом Мертоном. У нас эти вопросы развивает, в частности, известный философ Б. Г. Юдин. Понимание этих вопросов уже достаточно продвинуто. Если кратко, то нужно отличать ситуацию, когда учёному должно быть стыдно за проделанную им работу, от ситуации, когда для учёного наступает эта самая ответственность. Первая ситуация («стыдно») имеет место, например, когда автор ввел формулу,

³Индикаторы науки: 2016: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

⁴Российский статистический ежегодник 2015 / Федеральная служба государственной статистики, 2015. С. 114, таблица 5.10.



Учёные на летающем острове Лапута.

Иллюстрация Жана Гранвиля к третьему тому «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта.

допускающую деление на «ноль», позаимствовал чужую мысль и «не закавычил» её, или фальсифицировал экспериментальные данные, или подогнал графики.

Ответственность же учёного характеризует противоположную ситуацию — когда он продвинулся слишком далеко. Например, изобрёл страшное оружие и передал его в руки безответственных политиков или близко подошёл к созданию человекоподобного монстра. В таких случаях мировая общественность собирает Пагуошские конференции, ужасается и взывает к его ОТВЕТСТВЕННОСТИ, а также требует моратория на продолжение его работы. Здесь можно вспомнить гениальный роман братьев Стругацких⁵. В основе сюжета — принцип: природа, оберегая свой гомеостаз, сама притормаживает особо зарвавшихся, забывших об ответственности учёных.

⁵ А. и Б. Стругацкие. За миллиард лет до конца света.



С. В. Егеров

Ну а что в промежутке между этими крайними ситуациями? Да всё, что угодно. Перефразируя поэта, можно сказать, что научные статьи даже в жёстко рецензируемых журналах растут, не ведая стыда, из несусветного сора. Здесь и концептуальные ошибки, и опечатки. Часто встречающаяся ситуация: «Ой, мы открыли гравитационные волны». — «Ой, мы отзываем это открытие, есть претензии к аппаратной части».

Вступая на путь профессиональной карьеры, учёный не обязан давать клятву о том, что он не будет неумышленно морочить голову обществу. Отчасти его работа в этом и состоит: морочить голову, в первую очередь себе, потом — своим коллегам, потом — широким слоям общественности. КПД науки, как известно, очень низкий.

Так почему же общество именно сегодня остро разочаровано противоречивыми и невнятными прогнозами и оценками экономистов и политологов? Конечно, общество не могут не раздражать эти случаи, например, когда ЦБ по несколько раз в год решительно меняет прогноз развития финансовой ситуации. И здесь также хотелось бы заступиться за экспертов. Им приходится несладко, в частности, они вынуждены работать в условиях неполноты данных. Например, всё больше статей

бюджета оказываются закрытыми. Получив к ним доступ, а также доступ к иной инсайдерской информации, доверенные эксперты и советники готовят для руководства закрытые материалы с различными «грифами». В это же время общественность по открытым медийным каналам получает информацию от лиц непосвящённых. Это информация скорее обывательская, чем строго научно обоснованная. Мало того, широкую публику поджидают и «сливы», и умышенная дезинформация. Научное сообщество не может отвечать за всю эту вакханалию.

Однако и посвящённые эксперты в сложившейся обстановке чувствуют себя неуверенно. Если человека ставят под телекамеры с просьбой прокомментировать курс доллара, но при этом просят не упоминать и не брать во внимание целый букет политико-экономических обстоятельств, то в итоге мы имеем обтекаемое малополезное интервью с рекомендацией слезть, наконец, с нефтяной иглы.

Или другой пример: ряд проблем современной банковской сферы не удаётся разъяснить, оставляя за скобками факт, что Олимпиада-2014 обошлась гораздо дороже ранее заявленных официальных цифр. Реальные цифры затрат на Олимпиаду-2014 перешли в публичную сферу совсем недавно.

Таким образом, наиболее серьёзной проблемой становится разрыв между процессами и результатами экспертизы для руководства и аналитическими продуктами для общественности. Келейная экспертиза, даже на основе сокровенных знаний (по «жреческому» типу) давно устарела и признана неэффективной. Она очень серьёзно подвержена лоббизму, ведомственным aberrациям, индивидуальной недобросовестности. Современные экспертно-прогнозные процедуры организованы совершенно противоположным образом. Они формализованы, вовлекают большое число экспертов (до сотен человек). Метод Дельфи, например, призван объективно согласовать большое число мнений. Более того, экспертиза сегодня всё более опирается на массовые краудсорсинговые методы.

Наша страна уже опробовала опыт келейных экспертиз. В этом смысле мне очень понятно положение, высказанное нашим первым докладчиком, Д. В. Трениным. Он сказал, что на излёте СССР несколько ведущих академиков стали «со-архитекторами» нашей политики наравне с руководителями страны. Это действительно было так, и работа узкого круга «посвящённых» экспертов проходила вне зоны внимания перестроечной общественности.

Этим экспертам были доступны, например, данные о цене барреля нефти, о долгах СССР, остатках ЗВР и прочих важнейших факторах. В частности, «жрецам-экспертам» был доступен полный расклад по центробежным силам и мотивациям, разваливавшим Советский Союз. К их услугам были частные справки любых ведомств — от Госплана до ГКНТ. Они и пытались выработать стратегию. Зато мы — все прочие — на массовых экономических шоу выясняли, «где пышнее пироги», обсуждали разницу между первой и второй моделями хозрасчета, ругали номенклатуру и административно-командную систему. Скрытая от общества келейная работа

высшей экспертной команды потихоньку подошла к концу. С результатами этой работы мы познакомились в 1991 году, причём не из статей в академических журналах. Просто выглянули в окно и увидели, что на Новом Арбате — танки.

В начале 1990-х была предпринята попытка сделать процедуры правительственной экспертизы более прозрачными, избавиться от излишней секретности, привлечь к экспертизе более широкие круги аналитиков. С этой целью в структуре Администрации Президента РФ было создано Аналитическое управление. На регулярной основе проводились слушания в Госдуме, появились дискуссионные аналитические площадки в ведомствах. Однако, по ряду причин, эта тенденция прожила недолго.

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 79
«Ответственность гуманитарной науки»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева

Фото Московская Биржа
Подписано в печать 21.03.2016.
Заказ 20873. Тираж 250